25-го января 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

4

4

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го січня 1928 р.
PRAHA

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. *Юрий Гончаров*: **Gaudeamus**. (Стих.).
2. *Борис Кундрюцков:* Татарин. (Из цикла „Степные эскизы“).
3. *Дальвей-Бей:* (Стихи).
4. *Євген Маланюк:* Еміграція. (Стих.).
5. *Александр Туроверов*: Вольный воздух.
6. *Михаил Карпов:* Отступник. (Стих.).
7. *Алексей Персидсков:* (Стихи).
8. Казачьи эмиграции.
9. *Ис. Быкадоров*: Происхождение казачества и возникновение Вольных казачьих Войск. (Окончание).
10. *Др-инж. С. Федоров*: Записки самостийника. (Продолжение).
11. *Т. Г. Масарик*: Проблема малых народов и война.
12. *Т. Стариков:* Удушение Казачества.
13. *М. Фролов*: О казачьей милюковщине.
14. Печать о „Вольном Казачестве“. — Обзор.
15. Казачья эмиграция: Общество изучения Казачества.
16. *В РСФСР.*
17. На Украине.
18. В Казачьих Землях: Заготовительная кампания.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“
„Вільне Козацтво“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1½ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0·75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО / ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией **И. А. Билого** и **М. Ф. Фролова.**

Год издания второй.

Редакция и контора: **Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.**

№ 4. *Прага, среда 25-го января 1928 г.* *№ 4.*

Юрий Гончаров.
(Брно).

GAUDEAMUS.

Тусклы зеркала в табачном дыму.
В комнатах вечер мглится.
Между столами, склоняясь ко сну,
Бритые дремлют лица.
Шелестом слов зачарован камин...
Речи не слышно пылкой...
Вот, усмехаясь, поднялся один,
Звякнул о стол бутылкой:

— Выше, друзья, полнозвучный стакан!
Хмельные головы — выше!..
Каждая балка — привольный нам стан.
Звездное небо нам — крыша!

Древних времен огневое звено —
С волей судьбы мы — согласны.
Всюду-ж найдется табак и вино!
Девушки всюду прекрасны!..

Помня о тех, кто в железном ярме
Чужд нашим хмельным забавам.
Выпьем за всех, кто в безрадостной тьме!..
Дону мятежному — слава!

Слава умершим! И слава — живым!
Тем, кто один между чуждых!
Песни нам блещут лучом огневым,
Песни споем мы и в тюрьмах!..

Слава степям и реке вековой!
Ерикам, музгам, запольям!..
Слава — держащим пернач золотой!
Всем-же студентам — здоровья!

Выше-ж стаканы с огнистым вином!..
Песня пусть звоном взовьется!
Вся нам вселенная — радостный дом!
Всюду — родня нам найдется!..

... Тусклыми бликами стекла блестят...
Маревны в мгле зеркала.
Шумно в тумане стаканы звенят.
Говором дышит зала...

Лесом бутылок стол поброс.
Дым к потолку змеится.
Светят глаза... и огни папирос...
Дымом замглились лица.

23 VIII—1927.

Борис Кундрюцков.
(Загреб).

Татарин.

Из цикла „Степные эскизы".

Пробежал ветер по степи, перевалил через ковыльный курган, задержался на минутку в балочке и полетел дальше, цепляясь за колючки, сдувая темную пыль с твердых матовых листочков; сдунул, да и запутался, закружился в спутанных кудрях, в лохмотьях рубахи сидящего на земле человека, заставил его поднять загорелое худое лицо и посмотреть мельком на небо: — не дождь-ли?!

Нет, будто так же безоблачно южное синее небо, и так же немилосердно палит солнце. Оборванец встал, потянулся, широко зевая, и посмотрел на двух спавших приятелей. Тень от единственного деревца в балочке давно ушла от них, и их тела, покрытые живописными грязками, жгли слепящие, белые лучи солнца.

Усмехнувшись, он отвернулся и окинул степь острым привычным взглядом, окинул и поспешно лег,

заметив две точки на горизонте — маленькую и большую... Первую ближе, вторую дальше. Всадника и кибитку.

Татарин, — мелькнула мысль, а глаза уже впились в остроконечную приближающуюся баранью шапку, в покрытую войлоком узкую легкую кибитку.

Пополз к товарищам и стал толкать.

— Омелька, Емельян... Данила, а, Данила, вставайте, черти... — толкал, а сам из балки выглядывал. — Прямо сюда черт несет. Отбился должно быть басурман.

— Эй, вы, подымайся, што-ли...

Один, с рябым лицом и с черными волосами, открыл глаза и грубо спросил.

— Чего тебе?

— Татарин к нам едет, слышишь?.. — И тряс другого, разрывая ветхий рукав синей рубахи. Тряс до тех пор, пока тот не закашлялся, поперхнувшись во сне. Сперва у него что то заклокотало в груди, захрипело, как приближающийся гром, и вырвалось громко и продолжительно — грр-кха-кха-кха!

И черный, и будивший замерли секунду неподвижно и оба сразу зашикали...

— Тю, старый черт, штоб тебя разорвало!..

Проснувшийся был совсем еще юноша. Он, увидя их настороженные потные лица, приподнялся на локте, потом стал на колени и тоже быстро припал к земле.

Поползли прочь от дерева по балочке, гуськом. Впереди рябой Емельян, потом юноша в синей рубахе, с медной серьгой, сзади последний, третий — Иван с рубцом через лоб от татарской шашки... Поползли молча, не обращая внимания на колючки, цеплявшиеся за широкие шаровары и на их разнообразных латках оставлявшие темно-зеленые полосы от травы.

У Емельяна в зубах — нож, короткий и сточенный.

Отползли шагов пятьсот и залегли в колдобине. Три пары глаз стали напряженно из-за ковыля следить за татарином... — Едет нечистая сила!..

А нечистая сила, сидя в высоком седле, на маленькой степной лошаденке, покачивался, посматривая беспечно по сторонам, понукая куценькой нагайкой. Но, и в свободной посадке, и в равнодушном движении головы чувствовалась какая то подобранность, осторожность. Взгляд зорко охватывал и линию кургана, и одинокое разросшееся в ширину деревцо.

А небо так низко над степью!.. Кажется, влезь на курган, да и зацепишься трухменкой за его горячий шелк. Татарин правит на дерево, а за татарином послушно кибитка давит большими колесами ковыли... Пустынна степь... Во истину, — Дикое Поле...

Воткнул в землю копье татарин, в два узла привязал к дереву коня и остановил кибитку. Залопотал что-то непонятное, указывая на курган, на дерево и на балочку, в сторону трех...

— Заметил што-ль? — давясь кашлем, бросил Данила, и у всех екнуло сердце.

— Уйдет вражий сын!

Но татарин уходить не собирался. Они видели, как с'ехала в балочку кибитка, и как татарин долго и выжидательно высматривал степь, приложив ладонь ко лбу, и, довольный, опустился и сам.

— Гм... — промычал рябой и взглянул на Ивана и Данилу. И они поняли друг друга с одного взгляда, что можно сделать задержку. Добредут и через два дня до казачьего городка! Вот, как сделать-то все это?.. Ножи одни, да и то — два ножа и обломок косы. Но ведь их-то трое! Сразу выработали план, взвесили „за" и „против". Пожалели, что пьяные ушли в степь без коней, надеясь дойти к знакомцам в три ночи... Шли, песни пели. По звездам шли, а теперь вот... басурман... Нагнулись совсем к земле, — татарин на курган полез, поднялся до середины по пологому скату, наклонился зачем-то и опять степь оглянул.

И всем троим одна мысль пришла. Жадность сверкнула в глазах... Подались вперед, притаились. Не шелохнутся. А ветерок, вот он, крутится в волосах, в лохмотьях, задорный да игривый, тоже степной бродяга. Самый вольный, самый шальной и удалый.

У татарина уже лопата в руках, — ковыряется в земле.

Как по команде, поползли по балке к кибитке. Быстро и бесшумно. Занят азият, отбрасывает комья, роется. Доползли. Данила коня схватил, копье выдернул, колчан и лук поднял; а Омелька в кибитку кинулся, в душную темноту. Срывающим стоном крик чей-то оборвался в ней, ахнул кто-то, и этого кого-то, тонкого, гибкого и изворотливого, придавил Емельян в углу, упершись босыми ногами в подушки и в ковровую подстилку, зажал рот и закричал, почувствовав боль укуса. Зазвенели густые бусы, запутались косы.

— Ба... аба, — злобно протянул, хватая за плечи. Долго пыхтел, связывая затянутые в войлочные расшитые увязки ноги, маленькие, сильные, с крашеными острыми, как бритвы, ногтями руки, и, когда заткнул рот какой-то подвернувшейся тряпкой и выглянул из-за полости, обливаясь потом, на свет, на секунду зажмурился. Когда открыл глаза, увидел, как татарин, потеряв шапку, в одной тюбитейке на затылке, с воплем сбегал с кургана...

Сбежал, да и встретился с собственной же стрелой; встретился, да и уткнулся, с разбега, в колючки, прямо на стрелу. Загнал ее глубже в грудь и отломал оперенный конец. Выперся кончик ее на спине в шелковый халат, обозначился темным пятнышком, и стало это пятнышко от крови расползаться...

Наклонился над ним Иван, перевернул на спину...

— В сердце попало,—сказал, рассматривая оскаленные зубы, тонкие желтые веки и шитье халата. — Богатый татарва!

Мимо бежал уже Данило, к тому месту, где бросил татарин свою лопатку... Добежал и увидел дыру, уходящую в прохладное подземелье...

Свистнул протяжно, и, через минуту, трое их рыло землю, — один лопатой, двое руками; рыли до тех пор, пока не расширили отверстия так, что можно было пролезть...

Первый полез молодой Данило. Его кашель глухо гудел в дыре — грр... кха-кха-кха...

Не утерпел, полез за ним и Омелька.

Сперва тесно было, земля осыпалась под локтями и коленями, а потом шире стало и шире... Ход будто... Темно совсем.

— Данил, а, Данил!.. — а Данило впереди: — Грр... кха-кха-кха. — Вперед и вперед идет. Нагнал его, пошли вместе. Идут, нет ходу конца. Жутко стало. — Стой, Данила...

— Идем!

Растопырили руки, стен чтобы касаться, пошли дальше. Дышать стало трудно. Шли — стены чувствовали, чувствовали стены, да и разошлись. Омелька по одной стене пошел, Данил по другой...

— Курень вроде... — прогудел Емельян... — горница. Споткнулся о что то, напылил и стал чихать... Пыль, едким облаком поднявшись, забилась в горло и нос. Наклонился, — кости... Чем-то прозвенел, пошарил, — браслет.

— Данил... мертвец...

А Данила:

— Грр... кхе-кхе-кха... — возится над чем-то в темноте, тужится.

— Омелька... кха-кха... Сундучек, кха-кха... чижолый... грр... кхе...

Стали тащить, глотая пыль, скользя по черепам и костям босыми ногами. На минуту Емельян присел, наколов на что-то острое ногу. Выругался хрипло и схватился снова за сундучек. Поволокли, задыхаясь и размазывая крупные капли пота. К тому же, страх какой-то захватил обоих... Хотелось выбраться скорее на свет. Ноша как к земле прилипала, и открыть было нельзя... Плотно захлопнута крышка... с впадинами, наощупь будто кожа, только чувствуется, что метал... Тянули, напрягая силы... Оба облегченно вздохнули, когда светлым пятном засветилось отверстие. Полезли на животах. Омелька впереди, ногами к отверстию. Данил сзади, толкая грудью и упираясь в пол и стены.

Раз так уперся, что загудела сзади земля, посыпалась на спины...

— Тише ты!.. — ругался Емельян, испуганно дергая к себе сундук, а Данило, бледный, напрягая все свои силы, подбирался, давя грудью!

Иван увидел окровавленные ноги Омельки, уцепился за них и помог выкарабкаться. Нога была изрядно порезана и в рану забилась черная земля, но... сундучек, облепленный грязью, обтянутый тремя обручами, четко выделялся на траве.

Сбивали обручи ножами и копьем, а когда сбили, — ахнули, увидев темное золото, какие-то металические обломки с сверкающими, втиснутыми в них камешками, браслеты и кольца...

Высыпали все и плясали, как пьяные, с возбужденными лицами. Казалось, что Данил лопнет от непрерывного грудного кашля: — Грр... кхи-кхи-кхи... золото... кхе-кха-кха... самоцветики... кха-кха

Оставляя кровавые следы на ковылях, Емельян притаптывал на месте, сорвав с себя остатки рубахи... Медью отливал мускулистый торс и блестел от пота...

Делили долго на три кучки, переругиваясь и сравнивая каждую вещицу, каждый камень, каждую неуклюже обрубленную, неровную монету, а когда поделили, завязали в рукава каждый свою долю, сунули все в сундук и понесли его к кибитке.

Развязали ноги татарке, стащили ее со сбитых подушек. Лежала в ковылях, с дикой ненавистью смотря на них, сверкая глазами. Бусы завалились за круглое плечо стекляным ворохом.

Выкинули из кибитки идольченка деревянного, разную утварь, расстелили ковер и, найдя привязанные сзади бурдюки с кислым вином, пили, припадая к ним с веселыми восклицаниями.

Скоро солнце совсем закатилось за курган. Погасли алые лучи. Трое, возбужденные добычей, почти голые, пели нестройными голосами, ругались, влазили в кибитку, щупали в густых сумерках старинное добро, возились с татаркой, потешаясь ее ненавистью. Только тогда и оставили ее, когда дикарка с закатившимися, как и солнце, глазами, с впившимися в ладони крашеными ногтями, потеряла сознание...

Ночь, тотчас же подкравшись, закутала в черное свое покрывало и понурых лошадей, и наполовину пустые бурдюки, и пьяную голыдьбу, и маленькую татарку в порванных одеждах, с вывернутыми неестественно ногами в расшитых войлочных увязках... Подавились бусы!.. Целовал землю пыльную деревянный бог!

Черная дыра в кургане слилась с тьмой, и придавленное небом, одинокое деревцо совсем вдавилось в его черноту — вдавилось и растаяло... Будто и нет ничего... Храпели кони, храпели Данило, Иван и Емельян, бормотала о пережитом ужасе желтая женщина, да ветер, перевалив через курган и задержавшись на минутку в балочке, летел дальше, сдувая пыль с серебряных ковылей.

Поджал Омелька больную ногу и застонал... Сел от мучительной боли... Чуть засветало... Сел Омелько и вдруг закричал дико и хрипло:

— Ге... ой!..

Звезды уходили в небо и бледнели. Темным силуэтом, скрипя на колесах, выносилась кибитка из балки... Мелькнул мутным пятном белый халат татарки...

— Ге... ой!! — кричал Емельян, стоя на одной ноге, с искаженным от бешенства и ужаса лицом...

— Братцы... ыы!.. Ушла!.. с... кубышкой... К... коня отвязала, веревки рараз...ре...за...ла... Уш...ла...аа!.. Ге...й!..

И тряс пьяных Ивана и Данилу. Первый так и не проснулся, а второй кашлял и ничего не понимал...

Емельян упал, корчась от боли, на ковер, на бурдюки и, сжав зубы, скрипел ими в бессильной злобе, вслушиваясь, как лезло в уши настойчивое, звериное эхо кашля:

— Грр... кха-кха-кха...

Выругался, как отрезал:

— Тю-у, штоб тебя разорвало!..

■■■■■■■■■■■■

Дальвей-Бей.
(Югославия).

* * *

Когда орлами дыбятся кони,
Когда клубами дымится пыль, —
Мне так отрадно на крутосклоне
Копытом конским топтать ковыль.
Оставить горы в немой полночи,
Сойти в теснины чужих долин,
Забыть в ауле любимой очи
И чуять сердцем, что ты один...
Пускай орлами дыбятся кони,
Пускай клубами дымится прах—
Я счастлив только на вольном склоне,
Я счастлив только в своих горах.

* * *

В ночных провалах, где бездны-недра,
На гранях белых извечных льдов
Я, в царстве бука, в отчизне кедра,
Найду узоры чужих следов.
И след петлистый куницы черной
Я разовенчаю, я отыщу.
За хохот дерзкий гиене горной
Я пулей меткой отомщу.
Шайтаны-ветры пускай рыдают,
Джайран лукавый пусть прочь сбежал —
Ошибок пули мои не знают,
Мне не изменит мой кинжал!

Евген Маланюк.
(Подебради)

ЕМІГРАЦІЯ.

Не викреслить Тебе в розлуці,
Не стерти з серця це ім'я, —
Хоч крізь пожежі революцій
Не все сюди приніс їм я.
Попрогорало, розгубилось, —
Понівечилося навік, —
Так страшно людське серце билось,
В устах страшний крівавивсь крик,
Так близько чувся подих смерти, —
Що, коли б можна, я б давно
Хтів відпочити і померти
І випить вічности вино.
О, як прозоро й сяйвно вмер-би...
Але згадаю, як росте
Пшениця, як шумить крізь верби
Синюха, вітер, простір, степ, —
Як хата рідна з попід стріхи
Очима дивиться вікон,
І крик той — „Сину наш! Приїхав!“
І ранній день, і ранній сон, —
Це те, що жилами звязало,
Що в кров і в мязи нам воосло.
... І жаль, — як ніжне смертне жало, —
Перетинає людське зло...

21/V — 1926.

■■■■■■■■■■■■

Александр Туроверов.
(Пшибрам).

Вольный воздух.

— Здравствуйте, дорогая и любезная мамаша, спешу во первых строках моего письма описать, что я жив и здоров, чего и вам желаю, и что письмо ваше и табак махорку получил, за что благодарю вас от всего своего чистого сердца и кланяюсь до сырой земли, а по причине проживания вашего на хуторе у сестрицы моей Марфы Евстратовны, — все мои письма, писанные на станицу, пропали. —

Здесь образовалась клякса. Столик в комнате отеля был маленький, шаткий, писать было неудобно, но Чепраков сильнее расставил локти и продолжал.

— Проживаю я в городе Париже, город огромадный и францерский, все дома в десять этажов, грязи никакой, потому улицы мощены каменьями, коней совсем мало — самой автомобиль, а под землей норы на манер байбачьих и по этим норам пруть вагоны — возять народ, которого здесь видимо-невидимо и одеты все в вольную одежу. Любезная мамаша, разрывается мое сердце, что ваши глаза не пересыхають в слезах по моей несчастной судьбе; но очень умоляю вас не убиваться задаром, потому я теперь обвык и служу котом при наилучшем магазине щиблет. Служба моя очень вольготная, стою у дверей в кошачей одеже, которую мне пошили, на ходулях обутых в сапоги, с красною венцерадою на плечах. И вид у меня натурального рыжего кота с хвостом; народ интересуется, а хозяину прибыль — торгует он опасно и гонит мне 42 франка поденно.

А на счет моей женитьбы, дорогая мамаша, не сумлевайтесь — здесь этой манеры нет, народ на святости без внимания, бабы все острижены под челку, одним словом, себя не блюдут, а наш брат, известно, везде кобель!

И по этой причине я интересуюсь одной мадамой из молочной торговли, звать ее Ивона, девка она душевная, очень прекрасная с лица и при теле. Но, однако, сурьезных намерений я с ней не имею — живем так.

Казаков наших тут по малости, но когда повстречаемся, то идем в ресторан-столовую, которую держит один вахмистр, пьем вино, убиваемся за тихим Доном и играем песни.

А касательно возвращения на дорогую Родину, то вы это, мамаша, даром пишете, потому красные убили моего отца, а мне порубили голову и отсекли два пальца на левой руке; через это я, вроде, как инвалид и лишился казачей жизни на нашем Дону — этого простить я им не могу и идти к ним холуем не желаю. А что касательно брата Федора, он геройски погиб в Крыму, там же я оставил и своего коня Орла, а седло променял кардашу-турку в Константинополе, потому есть было нечего.

Любезная мамаша, прошу передать мой поклон сестрице Марфе Евстратовне и всем на хуторе, кто не помер.

Известный вам сын Иван
Евстратович Чепраков.
Адрес мой остается прежний.

Только зачем вы прислали махорки — от ее дыма я очень встревожился и тянет меня в степи, на вольный воздух.

В это воскресенье, как всегда по праздникам, Чепраков встал очень рано, побрился перед зеркальным шкафом, надувая щеки и рассматривая свое скуластое, чуть побитое оспой лицо, туго затянул новый канареечного цвета галстук и спустился по лестнице с пятого этажа своего отеля на улицу. В зеркале соседней булочной увидел себя всего, рослого, плечистого, в котелке и рыжих ботинках, и, не спеша, прошел к молочной, где служила Ивонн.

Ивонн, увидя его, закивала стриженой головой и, таясь от сидевшей за кассой старухи, показала два пальца — в два часа она его будет ждать на обычном месте около метро.

Ехать в церковь было рано и, наслаждаясь сознанием праздничного длинного дня, Чепраков пошел в близкий парк у Эйфелевой башни.

Утро было солнечное, тихое; чистые белые облака легко и высоко стояли в весенней синеве, а в парке, по утреннему зеленом и прохладном, лежали длинные тени.

Чепраков сел на скамейку возле возящагося с ручной косилкой садовника и осторожно, не просыпав ни одного корешка, сделал козью ножку, прикурил, затянулся, пустил дым ноздрей и закрыл глаза.

От дыма махорки, от вкуса ее ему вспомнилось одно и то же: зима и конюшня, куда из уважения к отцу, он ходил курить. Зима снежная, с сугробами у плетней, с обмерзлым корытом возле колодца, а конюшня темная, теплая, с крепким запахом навоза, конской мочи и сухого сена.

Садовник, исправив косилочку, начал, толкая ее перед собой, ровно и низко стричь газон.

Чепраков открыл глаза. Влажный запах свеже скошенной травы, мешаясь с острым едким дымом махорки, ударил ему в голову.

В такое точно майское, солнечное утро его станица подняла восстание, и он, как и все казаки, лежал за выгоном на скошенном, еще не просохшем, сене и бил из винтовки по станционному элеватору, где засели красные. Рядом лежал, не успев обуться, босой отец и тоже стрелял, весело крпча:

— Не сумлевайся, Иван, круши супостата!.. —

В полдень пришла мать, принесла обедать, и они с отцом ели курицу и сметану, а потом подошли из станицы на подмогу старики и все гуртом пошли на ура; гнали красных до самого Дона, кто не кинулся в воду — тех побили; отец снял с убитого матроса сапоги и они ему пришлись как раз впору. С этого дня началась для Чепракова новая жизнь — каждый день в опасности.

Ездил он на рыжем, злом домашнем жеребце по всем фронтам; выровнялся, возмужал, из выростка превратился в ладного, рослого казака; но в станице успел побывать только два раза — один раз по ранению, а другой раз в отпуску: приезжал сказать матери, что отца красные взяли под Царицыном в плен, долго терзали, а потом спалили в скирде...

И эта жизнь — три года войны — казалась теперь Чепракову самой настоящей, стоющей, снилась ему; он как следует еще не верил, что она кончилась уже, быть может навсегда.

И теперь от запаха скошенного газона, от дыма махорки у Чепракова замерло сердце и стало тошно на душе; пакостными показались ему и чудовищная башня и стриженные деревья, и пугливые дрозды. Стало сразу ясно, что так дальше нельзя, надо ехать, все равно куда, только подальше от города, на волю. И это сознание было крепкое и радостное, будто степным ветром пахнуло в лицо.

Торопясь и волнуясь, ехал Чепраков в церковь.

В церковном дворе нашел своего станичника Синебрюхова, узнал у него адрес лесных работ в Пиренеях, куда его давно уже звали свои казаки, потом купил у безработного фиолетовую бумажную розу и, вместе с самой дорогой толстой свечей, положил перед иконой Николая Чудотворца, три раза перекрестился, поклонился до земли и поехал на вокзал брать билет.

По дороге, в метро, он говорил Синебрюхову: — Иди прямо до хозяина и говори, — так мол и так, Чепраков больше служить в котах не желает, потому поехал на волю, в леса; а сам становись на мое место — будешь служить, брат, за милую душу...

Где-то за крышами догорал закат, в улицах стояли, как легкий дым, сиреневые сумерки, — но уже горело электричество, и большие бульвары начинали свою обычную вечернюю жизнь. Сверкали витрины; свети-

лись рекламы; автомобили, неистово гудя, текли непрестанным потоком, и прохожие рысью перебегали через улицу.

На панели, рекламируя портного, четко шагал, блестя своим восковым лицом, механический человек, над ним, на трех-этажной высоте, картонные козлы били золотыми рогами вспыхивающую электрическую лампу и совсем высоко под небом бежали светящиеся строчки: американский летчик вторые сутки летел где-то над хлябью океана из Нью-Йорка в Париж.

Чепраков, заломив на затылок котелок и обнимая тянущуюся к нему Ивонн, катался на такси.

Сегодня, после обеда, Ивонн, сидя у него в номере в одной рубахе и зашивая порвавшийся чулок, сказала, что она не перенесет его измены и сразу убьет себя; и ткнула пальцем в грудь — вот так, мол: ножем, прямо в сердце. Чепраков поверил, умилился и, в благодарность, возил ее на такси, а теперь, желая сделать ей приятность, крикнул шоферу: — Данцинг! —

В дансинге Чепраков танцевал с Ивонн чарльстон, ловко, по негритянски выбивая чечетку, потом пил вино, пиво, ликеры, опять пиво и захмелев от выпитого, от духоты, музыки и огней, неожиданно оттолкнул Ивонн, сделал выход, отбил ладонями по воображаемым голенищам такт и, к удовольствию публики, свободно, легко и далеко выкидывая ноги, пошел в присядку.

И, когда он кончил, перевернувшись через голову и упруго став на ноги, все зааплодировали, даже негры-музыканты, а Ивонн, щебеча и смеясь, повисла у него на шее.

Чепраков опять пил у стойки что-то красное и сладкое, шипел сифоном в стакан и, купив у дамы для Ивонн две пары чулок, поехал в ресторан „Лафет", который держал в еврейском пассаже вахмистр Усачев.

Дорогою Ивонн, как часто делала и раньше, взяла у Чепракова деньги, что-бы тот спьяна не потерял. Чепраков хотел отобрать, но раздумал, решив, что возьмет при прощаньи...

В ресторане, похожем на барак, посетителей уже не было, горела одна лампочка, и под ней, блестя лысиной, сидел в жилете, грузный, бородатый Усачев и щелкал на счетах.

Он их ждал — (Чепраков предупредил его днем)— и сейчас же принес из кухни нарезанных с луком помидор, селедку с травой во рту и пузатый графин водки.

Ивонн, обжигаясь и морщась, выпила рюмку, и, взобравшись на колени к Чепракову, жарко задышала ему в ухо — идем спать, хочу целоваться, а Чепраков, жалея, что не увидит больше этих синих, веселых глаз с лохматыми от краски ресницами, затянул во весь голос:

— Поехал казак на чужбину далеку... — но Усачев, не любивший шума по вечерам, перебил:

— Не ори дуром, эту песню надо играть с понятием, а не солом.

Чепраков осекся, ссадил Ивонн с колен, выпил водки, замотал головой и достал билет. Половины слов он не знал, но помогая жестами, об'яснил — что этой ночью, сейчас едет он из Парижа в Пиренеи, когда там обживется, напишет, и она, если хочет, приедет. И только собирался об'яснить про работу, про лес, как Ивонн, молча и внимательно слушавшая его, поняла все и с внезапно покрасневшим лицом, закричала: — Он уезжает... он ее бросает! И отлично, таких, как он, она найдет себе сколько угодно; но он воображает, что она поедет к нему из Парижа в эти дурацкие Пиренеи?

— О-ме-ме!

(Ивонн повернулась задом и сделала непристойность: на, мол, выкуси). Она была слепой дурой, когда возилась столько времени с этой русской свиньей!

Чепраков остолбенел — он ждал рыданий, просьб взять ее теперь же с собой, но от „русской свиньи" обиделся, остервенел и полез ловить Ивонн за волосы, чтобы ударить; она ловко увернулась, плюнула ему в галстук и выскочила на улицу,

Усачев, оберегавший во время перепалки посуду на столике, крикнул:

— Держи!

Чепраков погнался, но не успел: Ивонн вскочила на улице в такси, автомобиль загудел, наддал хода и скрылся в переулке.

Поезд отошел перед рассветом.

В купэ, кроме Чепракова и дремлющей напротив него немолодой, похожей на армянку, дамы, никого не было.

Чепраков собрал из всех карманов мелочь, зажал в кулак и посчитал — набралось двадцать два франка. Вспомнив про увезенные Ивонн двести франков, от досады и злобы громко застонал, — дама вздрогнула, удивленно на него посмотрела и опять закрыла глаза.

Поезд, вздрагивая на стрелках, наддавал хода, мелькали в окно редкие фонари, ровно и скучно горела под потолком электрическая лампочка. Усевшись удобно, Чепраков от нечего делать начал рассматривать соседку; лицо ее вдруг стало нехорошим, сердитым, она едко улыбалась, раскрыла свой чемоданчик и выпустила оттуда котенка, который стал быстро пухнуть, расти, превратился в огромного кота, фыркнул и выпустил когти.

Чепраков ужаснулся, закричал и проснулся. Дама, завалив голову на спинку сиденья, спала с открытым ртом и храпела.

Окна вагона были уже мутно синие; свернув из последних остатков махорки толстую папиросу и опасаясь курить в купэ, Чепраков опустил оконное стекло.

Поезд, весело стуча колесами, бежал по ровному пустынному полю.

Сзади, на востоке, небо было уже светлое, прозрачное; низко и ярко горела утренняя звезда, но впереди еще была ночь — горизонт был мглист и на густо лиловом небе стояла боком ущербленная луна. Чепраков курил, смотрел на близко пробегающие за окном высокие серые хлеба и думал о Пиренеях — они ему представлялись большим веселым лесом, с зайцами, с сороками и непременно при реке, в которой можно будет рыбалить бреднем.

1927. Ноябрь.

Михаил Карпов.
(*Болгария*).

ОТСТУПНИК.

Я книгу древнюю и пыльную листал.
Горели в ней глаголы новой воли.
И смеха каменного радостный оскам
Уврачевал мои седые боли.
Осадки давние, покорность дням, судьбе —
Все, что сплелось так тяжело и сложно,
И память солнечную, память о тебе
Я развенчал легко и бестревожно.
Усни совсем, не жди познавшая покой:
Враждебна и пуста моя дорога.
Я сердце, полное молитвой и тоской,
Разбил, расторг, осободил от Бога.
Я стар и мудро-трезв... Жесток и пусто-тих...
Я путь нашел великий и единый!
Бронею звонкою бряцает четкий стих
И холодом ясны мои седины!
Я от молитв оглох! От памяти устал!
Прости, усни, не жди стихов и боли!
Я книгу радостных проклятий пролистал
И причастился новой страшной воли!

Алексей Персидсков.
(Брно).

Слышится лай собаки,
Хлесткая дробь пулемета.
Шинели цвета хаки
Приткнулись возле омета.

Стужа скрутила руки, —
Трудно винтовку взять...
Певуче-стальные звуки
Рвут белоснежную гладь.

Вальсом крутит пороша,
Режет, как бритвой, лицо...
На черта сама похожа, —
Тычет из льда кольцо.

Валит нечистая сила,
Жмется со всех сторон:
— Я ль, — говорит, — не красива?
Льдинок не чуден ли звон? —

Песню любви заводит,
Силится губы обжечь,
Спереди, сзади заходит...
Молит на снег прилечь...

Слышится лай собаки,
Хлесткая дробь пулемета.
Шинели цвета хаки
Приткнулись возле омета...

22 XII—1927.

Казачьи эмиграции.

Десять лет тому назад, в конце 1917 и начале 1918 г.г., т а м, на наших Землях началась та война, которая окончилась в 1920 году оккупацией наших Краев Московской советской властью, а нас привела к эмиграции. Десять лет тому назад началась война, потребовавшая такого необычного, такого жертвенного подвига, какой выпадал на долю казачества только на рубежах его истории, когда решалась судьба его на целые столетия.

И нужно, прежде всего, подчеркнуть огненными письменами для всех и каждого, что н е казаки начали э т у в о й н у, не они виноваты в пролитой крови. Напротив, казаки избегали войны. И все же в о й н а начата на К а з а ч ь и х З е м л я х под Новочеркасском, под Екатеринодаром, под Владикавказом, под... и т. д.

Не только для истории, не только для установления истины ради истины нужно нам точно и определенно установить: г д е и к о г д а начата война и к т о был нападавшим, к т о воевал против Дона, Кубани, Терека, Урала,... и ч е г о он от них хотел.

Все мы согласны, что слишком много мы делали и наделали ошибок в прошлом, что эти ошибки и привели нас к катастрофе.

Наша общая задача теперь эти ошибки найти, осветить, назвать все вещи своими именами и не побояться посмотреть голой правде в глаза. Посмотреть и сделать надлежащие выводы.

Войну начала советская, русская власть. Воевали на поле брани не народные комиссары. Войну вели и командовали генштабисты не советского происхождения. Сражались красногвардейцы и красноармейцы, далеко не все коммунисты.

Декабрь 1917 и январь 1918 г.г. (по старому стилю) — начало войны — время героической борьбы бессмертного партизана Чернецова на Дону, на Казачьей Земле. Чернецов не ходил завоевывать Москву, нет, — он едва успевал отбивать Новочеркасск.

А на Кубани первые выстрелы раздались в 8—15 верстах под Екатеринодаром. В конце 1917 г. 39 дивизия (чья?) заняла Армавир, Кавказскую, Тихорецкую... а 22—24 января части Кавказской армии (чьей?), занявшей к тому времени все Черноморское побережье, двинулись из Новороссийска и начали бой за овладение столицей Кубани.

Из трех почти лет войны, первые полтора года война происходила на казачьих территориях, потом, через несколько месяцев (зима 1919—1920), снова прокатился тяжелый красный вал казачьими Землями.

Так что-же: к а з а ч е с т в о войны хотело? О н о ее начинало?? — Ответы на все эти вопросы так ясны, что только тот, кто заведомо не хочет знать правды, ответил бы неправду.

И когда мы вспоминаем сейчас эти первые бои под Новочеркасском и под Екатеринодаром,— первая наша мысль и первое наше молчаливое коленопреклонение—перед памятью тех Чернецовых и Галаевых, Великих и Малых, Известных и Неизвестных, кто первые стали на защиту своих Земель, на защиту своей Родины.

——

Может быть, будет небесполезным припомнить тем, кто забыл, и сказать тем, кто этого не знает, что мы—далеко н е п е р в а я казачья эмиграция.

Первая казачья эмиграция была уже в 1670—1680 г.г. с Дона на Кубань. Причины — религиозные преследования, инициатива которых принадлежала Москве. С Дона ушло тогда до 3000 бойцов на Кубань „под турка". Эти казаки-эмигранты назывались потом Аграханские, Кубские или Кубанские.

К ним потом пришла вторая донская эмиграция в 1708 году, приведенная туда Некрасовым (тоже свыше 3000 бойцов) после страшного разгрома Дона и кровавого не в меру подавления Петром I восстания донских казаков под предводительством Атамана Кондратия Булавина.

Это первое „Кубанское Войско“ существовало на Кубани до конца семидесятых годов XVIII ст. (1775—1780 г.г.), а после того как правобережная Кубань отошла, в результате войны России с Турцией (при Екртерине II), к России, казаки предпочли и дальше оставаться под „неверным турком“, чем идти под „православную царицу“. Казаки ушли за Дунай, в турецкую Добруджу, откуда позже часть их переселилась в Малую Азию, где живет и до сих пор.

А сколько раз эмигрировали запорожцы — украинское казачество? — Первый „основательный“ разгром Украины и Запорожья произведен тем же Петром I, после Полтавской битвы 1709 г., в которой Украинский Гетман Мазепа и Запорожские казаки были союзниками шведов.

Разбитые, — запорожцы (с кошевым Гордиенком) ушли под протекторат Крымского хана (с согласия турецкого султана). Эта первая запорожская эмиграция вернулась на свои „старые места“ в 1734 году, пробыв „под татарином“ 25 лет.

Вторая запорожская эмиграция была при Екатерине II после предательского разгрома и разорения Сечи Запорожской в 1775 году. Запорожцы ушли на Дунай „під турка“. Тернист был путь этой эмиграции. Часть побывала и под „австрияком“; часть ушла на остров Мальту к мальтийским рыцарям; часть вернулась в Россию (в 1828 г.) с кошевым Гладким (потом — небольшое Азовское Войско, впоследствии переселенное на Кубань). Побывали казаки и у Эгейского моря и, наконец, остатки их расселились по Добрудже.

А разве переселение оставшихся после разгрома Сечи на своих казаче-украинских Землях запорожцев на Кубань в 1792 году не было, по существу, эмиграцией?

А что сталось с землями Запорожскими?

Наконец, события нашего времени (1917—1920...). Снова часть казачества вынуждена была эмигрировать (тою же „историческою“ дорогою в Турцию и через Турцию), а Казачьи Земли включаются в колонизационные планы Москвы и кроятся — перекраиваются, межуются — перемежевываются, „недорезанные“ казаки выселяются и переселяются... Одним словом, казачество ликвидируется.

— —

Таким образом, на протяжении всей истории казачества, начиная с того времени, когда границы Московской Руси придвинулись к рубежам Казачьих Земель, происходит одно и то же явление.

Кому-то (кому?) всегда нужны казачьи земли, а потому казаки каждый раз должны „потесниться“. „Теснила“ Россия (или власть?) царская; обещала „теснить“ Россия (или власть?) черновско-социалистическая; теснит сейчас Россия (или власть?) большевицко-коммунистическая.

Этой правде пора, наконец, посмотреть открыто в глаза всему казачеству, не обманывать дальше ни себя, ни других, что касается истинного положения вещей, и

или позволить „теснить“ себя до конца и постепенно погибнуть,

или искать свое решение своего вопроса.

До каких же пор ты, Казачество, будешь эмигрировать?

Ис. Быкадоров.

Происхождение казачества и возникновение Вольных казачьих Войск.

(Окончание) *)

Разделение Золотой Орды в XV в. на три самостоятельных, враждебных друг другу ханства — Казанское, Астраханское и Крымское, и ловкая политика Москвы, обострявшая между ними борьбу, отвлекая внимание их от себя, дала Московскому княжеству возможность отдохнуть и окрепнуть.

Не менее важным историческим фактором для усиления Московского княжества, и вообще Северо-Восточной Руси, было приобщение к борьбе против татар сил казачества, образование из него буфера на своей южной окраине и к юго-востоку от нее.

В конце XV в. Дикое Поле (пространство степной полосы от верховьев левых притоков среднего Днепра до р. Волги и между границей лесной полосы и Азовским морем с нижним течением р. Дона) перестало быть ареной борьбы и походов Большой Орды (б. Золотой) против Литвы и Крымского ханства, хотя и оставалось во владении многочисленных турецких и татарских шаек, постоянно посещавших его для охоты, звериного промысла и нападения на московскую и рязанскую окраины с целью грабежа и увода пленников.

Казачество, переселившееся из степной полосы на север и северо-запад, хранило свежие предания о своей былой жизни, независимой и привольной, и это прошлое должно было казаться тем заманчиней и привлекательней, чем мрачнее становилась действительность пребывания его в служебной роли у Московского государства.

Не прошло и 100 лет, как казачество передвинулось из степной полосы в лесную; еще живы были те, которые слышали рассказы от живших еще до Куликовской битвы в степной полосе.

Сохранялись вполне и общение и связь казаков, служивших Московскому и Рязанскому княжествам, поселившихся на окраинах их, с казачеством, сохранившимся между р. Хопром и Волгою и в Мещерской области.

*) См. №№ 1, 2 и 3 журнала.

Особая жизнь, ратная служба сохраняли в казачестве особые характер, психологию и быт.

Втечение 2—3 поколений оно, конечно, не могло обратиться в великоруссов. Смешению мешали и сословные перегородки, прочно установившиеся у последних.

По близости своего жительства к Дикому Полю, по своей ратной (пограничной) службе казачество хорошо знало Дикое Поле — его приволье, богатство зверем, птицей, рыбой. Хорошо знало казачество и о событиях в Диком Поле, значительно очистившемся к тому времени от татар.

И казаки стали уходить в степи для звероловства, добывания меду, рыболовства, — что связывалось с упорной постоянной борьбой с татарскими шайками.

Сельское и иное население Северо-Восточной Руси не могло этого делать, так как уходить могли только искусные в ратном деле, обладавшие необходимым для борьбы характером, группы (станицы) с крепкой, уже существовавшей организацией, а никак не с организацией, наскоро создававшейся на ходу.

Выход, уход в Дикое Поле, увеличение казачьего ядра между Хопром и Волгой было настолько значительным, что стало уже угрожать политическим видам Московского государства.

В начале XVI в. этот уход вызвал не только запрещение со стороны Московского царя Іоанна III, но и репрессии и кровавый террор (чтобы только остановить уход в Поле).

Но можно полагать, что не только притягательная сила степей — возможности свободной и вольной жизни, хотя и полной постоянных тревог и опасностей, неустанной борьбы с татарами и проч. — была главной причиной ухода казачества с Московских окраин и из Мещерского края в степи, а и отталкивающая сила этого государства.

Противоречия, противоположности идеологические, моральные и психологические, равличный духовный мир казачества и великорусского (московского) народа, различный быт и социальное устройство, попытки к поглощению казачества московской государственностью были причиной ухода казачества с окраин московских в степь и не просто в степи, на свободные земли, а подальше, за сотни верст, в непосредственное соседство с татарами и турками.

———

Вот вкратце государственный процесс, совершавшийся в Северо-Восточной Руси.

Московское княжество, едва окрепнув, перешло к завоевательной политике, к территориальному расширению своих границ, к поглощению соседей.

Ряд княжеств Северо-Восточной Руси, ничем в своем существе не отличавшихся от Московского (население их было тем же великорусским, в них было то же управление и устройство), не составлял трудностей для присоединения этих княжеств, которое сводилось к замене великокняжеской местной власти властью общей Московской.

Особым существом отличалась В. Новгородская республика; население ее, хотя и родственное Московскому, отличалось особым социальным устройством, бытом, характером и народно-хозяйственной деятельностью.

Московское государство и В. Новгород (а также и Псков) представляли из себя государства с совершенно различной государственной и социальной структурой. Антагонизм, взаимная ненависть и вражда между ними были бо́льшими, чем между Московским государством и любым татарским ханством; и не ограничивалась только властью, а доходила и до самых глубин — духовенства и населения.

Ряд причин, на которых не имеем возможности останавливаться, привели к внутренней слабости В. Новгорода (главной была слабость военная, оказавшаяся роковой для него; в то время, как главный противник — Московское государство — имел значительное численое превосходство своих войск).

В. Новгород никогда не испытывал нашествия татар, разгрома от них. Но горшим татарского оказался для него погром и полный разгром Московским царством, уничтоживший и значительное количество населения. В. Новгородская республика была уничтожена, а население переселено, перемешано с московским, что оплодотворило последнее инициативой, энергией, предприимчивостью.

За В. Новгородом последовала почти тождественная судьба и Пскова, затем Рязанского княжества.

Идеи Золотой Орды (владычества над соседями и методы этого владычества) нашли достойного преемника в лице Московской династии, Московского княжества и царства. На Востоке Европы явился новый хан — московский царь.

Уже к концу XV в. Московское царство сложилось как государство с вполне определенным содержанием, впоследствии лишь развивавшимся. Этим внутренним содержанием было: самодержавие царя и самодержавие бояр, воевод и приказных людей. Отсюда: безправие населения, национальная и религиозная нетерпимость, московская спесь и национальная косность.

Сложилась и внедрилась в сознание Московской власти религиозная идея: „Москва — третий Рим, а четвертому не бывать". Религиозная идея претворилась в государственно-политическую: идею великодержавности великорусского народа, его богоносительства, мессианства. Эта последняя вылилась в поглащательные устремления Московского царства, осуществлявшиеся силой и насилием.

Отсюда ясно, что казачество, исполняя свою ратную службу, как войско, не осталось, как народ, без внимания Московского правительства. Были попытки поглотить его, уничтожить социальную особенность казачества (выборное начало, особое устройство, быт), как очевидное противоречие и опасную реальную программу для московского (великорусского) населения.

———

Русская оффициальная историческая теория о происхождении вольного казачества (утвержденная Иловайским) заключается в предположении, что Юго-Восточное Вольное Казачество явилось следствием колонизаторских устремлений великорусского народа: из беглого (коренного великорусского) населения Московского царства. Это предположение обратилось в утверждение. Но ни один из историков русских не привел ни одного, ни прямого ни косвенного, документа, подтверждающего это предположение. Мы уверены, что таких и не может быть, так как историческая действительность утверждает иное.

Для ухода, бегства из пределов Московского государства сельского и иного населения не было достаточных побудительных причин. Заниматься земледелием в Диком Поле не было никакой возможности, — его прежде всего нужно было завоевывать у татар. Коренное население (великорусское) и не способно было уходить в степную полосу, стихию чуждую и враждебную для него, не способно было и отвоевать его у татар.

Уходившим в Дикое Поле на борьбу с татарами необходимо было обладать нужным характером, знанием ратного дела и прочной готовой организацией.

Дела Посольского Приказа*), турецкие, ногайские, крымские и др., мало или совершенно не изученные, не использованные русскими историками, с непреложной истиной устанавливают, что Вольное Юго-Восточное казачество образовалось из казачества, ушедшего с Московских окраин, из Мещерского края и частью из днепровских черкасов и Азовских казаков, т. е. оно образовалось от к а з а ч е с т в а.

Главное ядро казачества первоначально сгруппировывалось около ядра старого Подонского казачества (жившего между Хопром и Волгой), которое, с приближением Московской окраины (по присоединении Рязанского кн. к Москве), передвинулось на Юг.

Образование Юго-Восточного Вольного Казачества, главным образом, от Подонского и частью Днепров-

*) Мы не имеем возможности в настоящем кратком содержании нашего исторического труда приводить ссылки на документы, что увеличило бы очерк вдвое.

ских черкасов (Запорожцев, т. е. украинского казачества) является непреложной исторической действительностью. В состав его попали также отдельные лица и даже группы после разгрома В. Новгорода, Вольной Новгородской колонии Хлынова (Вятки) и Рязанского княжества, на что имеется достаточно исторических указаний; но по социальному положению они менее всего могли принадлежать к низшим классам, а как раз к тому сословию, которое более всего подверглось разгрому — боярскому (дворянскому).

К середине XV в. (1550 г.) Вольное Казачество уже образовалось в 2-х районах — территориях.

Называвшееся Донским или Волжским (между р. Доном и Волгой — по этим рекам и левым притокам первой), образовалось из старого Подонского казачества, передвинувшегося на Юг, (сидевшего между Хопром и р. Волгой), и из казачества, ушедшего из Мещерского края и из Московской окраины (от Алатыря*) до верховьев р. Дона). Сдвиг происходил постепенно и закончился только к середине XVI в., хотя связь и общение Вольного Казачества с казачеством, не ушедшим в Поле, а оставшимся на Московской окраине, сохранялась еще прочно.

Другая группа, или ядро Вольного Казачества, образовалась в низовьи Дона и Северского Донца из Подонских же казаков, бывших на службе на Московской окраине от верховья р. Дона до западного конечного пункта ее — г. Путивля, из черкасов (днепровских), из черкасов (севрюков), служивших как казачество в Путивле, Н. Северском и из Азовских „старых" казаков. Первый атаман этого Войска, называвшегося Донским низовым — был Сары-Азман (1550 г.). При нем были построены 3 или 4 казачьих городка — крепости в низовьи р. Дона**).

В середине XVI в. Вольное Казачество являлось уже достаточно организовавшимся и представляло в военном отношении такую силу, что, укрепившись прочно в степной полосе, отвоевав ее у татар и турок, оно оказало сильную помощь своему союзнику Иоанну IV в покорении Казани (1552 г.), а вместе с союзным тогда Московскому царю Запорожским войском, явилось главным деятелем в покорении Астрахани и в борьбе с Крымским ханством.

При переносе Московским царством своих внешних устремлений на запад и в последовавших затяжных войнах там, Вольное Казачество принимало участие как союзное войско, тогда как само Вольное Казачество в борьбе на юге, в борьбе против татар и турок, не было поддержано своим союзником и было предоставлено своим собственным силам.

Но и без помощи своего союзника, Вольное Казачество уже потрясало твердыней могущественной Турции — крепостью Азовом, и проявляло свою активную деятельность и на Черном и на Каспийском морях.

Образование из Вольного Казачества отдельных казачьих Войск (военных республик) Донского, Яицкого, Гребенского (Терского) произошло и закончилось в период между 1550 и 1585 г. В это же время произошло завоевание Сибири Ермаком и образование Сибирского казачьего Войска.

В этот промежуток (1577 г.) произошло значительное приращение сил Донского Низового Войска благодаря переселению на Дон 3—5 т. Запорожских черкас (Запорожских Казаков)*), основавших ниже Донецких (или Верхних) Раздор 3 городка: Черкасский, Монастырский (названия, перенесенные с Днестра), и Маныч. Эти казаки смешались с казаками уже существовавшего Низового Донского Войска. Сюда же произошел сдвиг и части Донецких казаков.

Течение р. Донца было под непосредственными ближайшими ударами сильного Крымского ханства; С. Донец не представлял естественных условий для существования городов, как естественных крепостей, и городки Гундор, Митякин, Лугань и др. были оставлены донецкими казаками; часть их вошла в состав Низового Донского Войска, а часть передвинулась на север и поступила на службу Московского царя во вновь построенные города-крепости — Белгород, Валуйки, Воронеж — и превратились в городовых служилых казаков. Эти заброшенные городки посещались низовыми казаками лишь для рыбной ловли, звериного промысла и снова возродились лишь в середине следующего, т. е. XVII в.

К 1585 г. произошло окончательное размежевание и разделение, утеря постоянной связи и общения Вольного Казачества с казачеством служилым — городовым, оставшимся на Московской окраине и впоследствии пополненным из коренного великорусского населения. Оно постепенно утеряло свой облик и слилось с великорусским народом.

Когда казаки выходили в Поле лишь только для промыслов, отвоевывали его у татар, они являлись туда бессемейными, семьи оставались там, откуда выходили казаки (на Московской окраине, в Мещерском краю, в городках и юртах между Хопром и Волгой); но с середины XVI в., когда казачество уже прочно осело в Диком Поле и особенно к 1585 г., когда оно вышло за пределы Дикого Поля и осело не только по течению Дона и его притоков, но и по р.р. Яику и Тереку и образовало самостоятельные Войска, оно было уже „семейным".

В степи ушли преимущественно молодые, не все были семейными и женами обзавелись уже из пленниц (ясырок).

К 1580 г. из Донского Низового и Донского Верхового (верхняго) Войск образовалось одно: Все Великое Войско Донское. Городки одного и другого Войска, шедшие по р. Дону, сомкнулись в одну цепь. Столицей, или „Главным Войском", Всего Великого Войска Донского были в XVI в. Донецкие (Верхние) Раздоры, а с XVII в. Черкасский городок.

Все Великое Войско Донское имело уже в XVI ст. свое законченное устройство: Войсковой Круг, высший народный орган власти, собиравшийся ежегодно, и исполнительную власть в лице Войскового Атамана и есаулов. Каждый городок имел свой круг и атамана (выборного).

Отличием казачества было: осуществление народоправства, управление волей народа, равенство, свобода, национальная и религиозная терпимость, особый быт, особая идеология и психология, особый характер народа, сильно развитое сознание своей казачьей (национальной) чести и достоинства.

Полную тождественность с Донским Войском представляли: Войско Яицкое и Гребенское (Терское), тесно связанные постоянным союзом с ним и между собою и авторитетом старшего брата — Донского Войска.

Все это было полной противоположностью сущности государственной и социальной Московского государства, великорусскому народу.

Эта государственная и социальная сущность настолько казачьим народом была ясно выявлена и представляла настолько ясное превосходство над московской, что не раз она становилась реальной программой, стремлением к осуществлению у себя ее великорусским народом: в Смутную эпоху, во время движения Разина.

И не вина казачества, что великорусский народ не мог ее осуществить: великорусский народ не обладал способностью, уменьем сочетать свободу с порядком — она у него обращалась в анархию, не было способности к самоорганизации, необходимой жертвенности, необходимого характера и воли к победе.

---

*) Южная Московская граница в середине XVI в. шла приблизительно по прямой линии от Алатыря до Путивля (линия Казань—Чернигов).

**) Возможно — Нижние и Верхние Раздоры, Семи—Каракор, Кочеты или Мелихов.

***) Запорожцы называли себя „рыцарством", Юго-Восточное Казачество имело в обращении у себя тождественный термин — „молодчество", „добры-молодцы".

Казачество имело присущую ему только военную систему, ставшую образцом и предметом подражания и искусственного введения ее Русским государством, (даже когда в ней уже существовало войско по западноевропейскому образцу, введенному Петром I*).

Вольное Казачество являлось добровольным союзником Московского государства. Никаких письменных договоров не заключалось, союз существовал по традиции.

Союз этот обосновывался не столько религиозными, идеологическими побуждениями казачества, сколько экономической необходимостью. Казачество покупало или получало за службу: хлеб, порох и свинец. Без этого Войску существовать было трудно, или нужно было идти в экономическую зависимость от другого государства.

Земледелия в казачьих Войсках (республиках) тогда еще не существовало, да фактически, по историческим условиям, оно существовать и не могло.

Постоянным идеологическим союзником, в борьбе против турок и татар Всего Великого Войска Донского было Войско Запорожское, имевшее почти тождественную государственную и социальную структуру.

Общение между ними было постоянным, и Запорожские, и вообще Днепровские, черкасы были главным источником пополнения Донского Войска, особенно низового.

Каждый запорожец на Дону, и, обратно, донец в Сечи пользовался полными правами гражданства включительно до права участия в Раде или соответственно в Войсковом Кругу.

Вольное Юго-Восточное Казачество представляло из себя особый народ славянского происхождения; в целом — суверенное государство (военную республику).

Различие свойств двух особых стихий — степной и лесной, полное различие условий исторической жизни в этих двух стихиях до образования Русского государства были главными факторами образования различных народов в одной и другой полосе. Не было единства ни в быте, ни в народно-хозяйственной деятельности, ни в культурном развитии, ни в языке, ни даже в религиозном культе. Таким образом, перед образованием еще Русского государства славяноруссы степной полосы и славяне лесной были, хотя и родственными, но уже особыми народами.

Русское государство (Киевское) образовалось вследствие отрыва от Хозарской империи окраины ее, путем государственного, культурного и психологического преемства от него, а не путем самозарождения, как это получается по норманнской теории. Образовавшееся Русское (Киевское) государство заключало соединение двух миров: и физического (смешение славяно-руссов с тюрскими народами) и духовного.

Принятие христианства, и, как следствие этого, письменности и религиозное влияние единого источника — византийского являлись факторами об'единявшими всех славян в державе Владимира Святого. Не меньшее значение имела династия.

Исторические события привели к распаду создавшейся единой державы и к созданию и обособлению двух миров: Юго-Западной Руси (и оторвавшейся от нее Руси Юго-Восточной) и Руси Северо-Восточной.

Новый прилив к славянам крови, — в первой тюркской, а в последней — финской, устанавливали еще большее различие между образовавшимися народами на Востоке Европы великоруссами и украинцами и третьей группой—Юго-Восточной Русью (Казачеством).

Пребывание в государственной системе совершенно различных государств [Юго-Западной Руси (украинцев) в составе Польско-Литовского, а Руси Северо-Восточной Московской (великоруссов) — в составе Золотой Орды] закончило образование совершенно различных народов одного и того же славянского происхождения. Московская Русь стала преемницей (идеологической и государственной) Золотой Орды, откуда тяготение Русского (великорусского) народа (историческая инерция) на восток в Азию.

Русь Юго-Западная (Украина) являлась восприемницей западной культуры через Польско Литовское государство — и естественно тяготение ее (Украины) на запад, на юг — к Черному морю. Близкое родство в происхождении, от одних и тех же корней (славяно-руссов и тюрского народа) Юго-Восточной Руси с усью Юго-Западной, разорвавшаяся связь с последней вследствие пребывания Подонского Казачества в государственной системе Золотой Орды, а затем союз с Московским Царством привели к тому, что Юго-Восточная Русь (казачество) образовало особый народ отличный как от Руси Юго-Западной, так и от Руси Северо-Восточной (Московской).

Связь между этими тремя народами была сильной только тогда, когда религиозный фактор единства играл в жизни народов доминирующую реальную роль.

Сделаем сводку нашего исследования о казачестве. Физическое преемство Юго-Восточного Вольного Казачества от Приазовских руссов устанавливается вполне историческими документами.

Русские историки устанавливают существование славяноруссов в Приазовьи, затем славянского населения Тмутараканского княжества, после—населения Подонской епархии, наконец Вольного Казачества.

И каждый из исторических исследователей устанавливает славянское происхождение их и принадлежность к христианству.

В вопросе же, откуда появилось это население в степной полосе в известный период истории, каждый из исследователей делает предположение, что оно явилось следствием колонизаторских устремлений славянского (потом великорусского) населения из лесной полосы в степную; но ни один из историков не утверждал этого и не мог утверждать, так как не мог привести ни одного исторического документа в защиту своего всего лишь п р е д п о л о ж е н и я.

Ни один из историков русских не пытался об'яснить, куда и как исчезало население Тмутараканского княжества (бродники), и население Подонской епархии.

Промежутки же существования населения под одним названием, а затем под другим, — по историческим документам, всего в 25—30 лет.

Следовательно, как бы в этот промежуток образовывалось новое население в степной полосе из беглых по той или иной причине из лесной полосы, соорганизовывалось и обращалось в высокого качества войско (которого как раз создаться из славян лесной полосы не могло).

Также нет никаких исторических документов, указывающих на то, что казачество (прежде всего высокого качества войско) образовалось на Московской, Рязанской окраинах и в других местах из коренного населения лесной полосы, т. е. великоруссов. Оно както таинственно свалилось с неба.

Никакой колонизации, переселения по тем или иным причинам славян из лесной полосы в степную, до самой середины XVII в. никогда не происходило, т. к. она по историческим условиям не могла происходить. Такое население организоваться и удержаться в чужой и враждебной стихии не могло бы. Могло удерживаться и удержалось коренное славянское население степной полосы, для которого степная полоса являлась родной стихией, у которого были: соответственная народнохозяйственная деятельность, соответствующий характер народа, быт и организация власти, а прежде всего необходимое для жизни в степной полосе знание ратного дела, военная организация.

В степную полосу в XVI в. передвинуться, осесть в ней, отвоевать ее у татар мог только народ с особым волевым характером, свободный духом, сильной воли, с особой военной традицией и преемственностью, с прочной организацией и бытом; народ, живущий уже и сложившийся в степной полосе и не терявший с нею связь, каким и было казачество.

Наше утверждение исторического, физичаского и духовного преемства в целом, утверждение происхожде-

---

*) И в настоящее время основы Советской терсистемы в СССР позаимствованы из казачьей, существовавшей до 1917 г.

Юго-Восточного Казачества от Подонского, последнего от бродников, а сих последних от славяно-руссов Приазовья, устанавливается не логической связью отдельных явлений, а историческими данными.

Одного и того же физического и духовного происхождения с Вольным Юго-Восточным казачеством было и казачество Днепровское (украинское), создавшееся из тех же в общем источников и под влиянием тождественных исторических условий. Никакого великорусского казачества (из великоруссов) не было и быть не могло.

Казачество есть явление всего Востока Европы, а вовсе не Руси Северо-Восточной (Московской), Казачество — соединение двух народов степной полосы славяно-руссов и тюркского (разных частей его) в один, соединение в один мир мира славянского и тюркского (мира свободы и вольности).

Казачество со времени своего образования имело свое особое содержание: и у черных клобуков (днепровских черкасов), и у бродников оно было почти тождественно, как следствие близкого родства, одних источников происхождения и одинаковых условий исторического бытия.

Государственное бытие одного и другого народа также было тождественным: черкасов днепровских, предков Днепровского казачества, — в системе сначала Русского (Киевского) государства, а за ним Польско-Литовского, и Подонского казачества — в государственной системе Золотой Орды, а затем — Московского государства.

В XVI в. один и другой народы осуществили свое государственное бытие, самостоятельное и свободное, — один в виде Запорожского Войска, а другой (Подонское казачество по присоединении днепровских черкасов) Юго-Восточного Вольного Казачества, состоявшего из Всего Великого Войска Донского, Яицкого и Терского.

Днепровское казачество имело этническое (народное) имя черкасов, запорожских черкасов, Юго-Восточное Вольное Казачество и народным (этническим) названием своим имело слово казаки.

Днепровское казачество соединилось с украинским народом, составив с ним органически одно целое и в большей части совершенно с ним слилось.

С великорусским народом слилась та часть казачества, которая осталась на окраинах Московского государства в виде служилого (городового) казачества (на положении военно-служилого сословия).

Вольное Юго-Восточное Казачество (Все Великое Войско Донское, Яицкое, Терское), имевшее в XVI—XVII ст. свою самостоятельную государственную жизнь, выявило исключительную способность и стойкость сопротивления историческим невзгодам и бурям, выявило богатые силы и способности к своему развитию, к свободному приобщению к себе других народов (калмыков, киргизов, черкасов и т. д.), сохранило государственный инстинкт, волю к свободе. Все это залог его будущего широкого развития, свободного, вольного государственного существования в будущем.

■■■■■■■■■■■■

Д-р-инж. С. Федоров.

Записки самостийника.

(Продолжение).

III

Путаница теорий о происхождении казачества и разнообразие мнений давали иногда повод, главным образом иностранным писателям, не пользовавшимся первоисточниками, приходить к неправильным заключениям и взглядам на казачество.

Совсем иное говорили и писали о казаках те из иностранцев, которые сталкивались с казаками ближе и видели их непосредственно.

Интересен дневник австрийского посла на Запорожье, чеха Эриха Ласоты, посетившего казаков в 1594 г. Он говорит, что Казачество уже тогда имело полное государственное устройство. Запорожье и тогда уже имело по окраинам оседлости, в которых несомненно пребывали казачьи семьи, хотя, может быть, и не такие, как их привыкли видеть в Европе.

Об этом же пишет военный специалист и дипломат, венецианец делла Валле, всего лишь через четверть века позднее (в 1620-х г.г.), восхищаясь казачеством и пророча ему прекрасное будущее.

Немного позже, вся Европа наперебой старалась притянуть казачество на свою службу, а блестящий польский король Ян Собесский, освободитель Вены и Европы от турок, без казаков не решался и приступать к военным операциям.

Не менее ценили казаков и шведы, короли и военачальники которых, еще со времен тридцатилетней войны в XVII в., десятки лет поддерживали традиционную дружбу с Запорожьем, а шведский король Карл XII, военный союзник Запорожского Войска, разделил с ними и эмиграцию, после неудачной битвы под Полтавой.

О прекрасных качествах казачьего духа, их внутреннем духовном аристократизме писал много француз Боплан, инженер, долгое время наблюдавший казачество во время службы в Польше в 30-х г.г. XVII в.

Иностранцы знали (в старые времена) казачество гораздо лучше, чем россияне, и писали о нем гораздо лучше, чем даже украинцы.

Тысячу раз был прав казачий летописец Самоил Величко, когда, приступая к написанию своей летописи в 1720 г., писал:

„Обаче проходя летописная и историческая иностранных народов писания и деяния видех в них об'ясненную и затмению доселе непричастную их славу.

Наших же сармато - казацких предков подобные иностранным в воинских случаях давних времен и веков бывшие рицерские отваги и богатирские деяния, без описания и об'яснения чрез их властных писаров оставление и всегдашняго забвения никчемным лености их плащем увидех покрытие". Поэтому далее он рекомендует при изучении казачьей истории обращаться не к нашим ленивым писателям, а к источникам иностранным, в которых можно найти гораздо более правды и полноты сведений о казачестве.

Свою четырехтомную летопись он скромно подписал: „сын из племени Хозарского и из слуг войска Запорожского найменьший слуга".

Московские историки, согласно с традициями Степенной книги и летописей, не занимались судьбами остатков многочисленной когда-то Руси Азовско-Черноморской, затерявшихся в море половецких народов и других кочевников, в широких степях Черноморья и Подонья. — Все, что было за пределами Великого Княжества Московского, было чужое. С торжеством старомосковской теории, услужливо пришедшей потом на помощь централизму Императорской России, казачество вошло в общее лоно, как часть „единого" народа, „исшедшая" из пределов Московской державы в Дикое Поле.

Подобно тому и история эмигрировавших казачьих Войск — Кубанского и Запорожского, за время жизни первого на Северном Кавказе, на Дунае и в Малой Азии, и второго „под турком" в Венгерском Банате, а части его на о-ве Мальте, у мальтийских рыцарей, никогда и никем еще не разрабатывалась, и до сих пор поэтому неполна и неясна.

Однако, московские цари, когда это было им выгодно, обосновывали свои захватнические стремления на историческом праве, правда, весьма сомнительном. Они считали себя наследниками украино-русского престола Св. Владимира и, поэтому, называли Тьмуторокань наследием своих предков, а казаков и черкесов своими холопями.

Иван Грозный на этом основании шел присоединять Астрахань под свой скипетр, уверяя, что она и есть как раз Тьмутаракань. Он и его наследники называли кабардинцев и черкесов „беглецами из рязанских пределов, раньше холопей Велик. Князей". Рязанские пределы, кстати, только в XVI ст. были присоединены к Московскому княжеству. Москва представляла их себе охватывавшими весь Дон и полагала даже Тьмутаракань находящейся в Рязанской губернии, пока в XVIII ст. не был найден на Тамани камень с надписью князя Глеба, указавший на подлинное местонахождние Тьмутаракани.

Разумеется, что при таких условиях и Донское казачество всегда „научно" трактовалось „беглецами рязанских пределов", хотя старинные донцы никогда не признавали себя не только московитами - великороссами, но и просто русскими.

Исследователь Донского казачества С. Г. Сватиков в своем большом труде „Россия и Дон", пишет: „Казаки, всегда втечение всей своей истории противопоставляют себя, донцов — русским, а Дон-Руси".

Мы имели возможность лично убедиться в том же, изучая соответствующие архивные материалы и документы.

В сношениях с Москвой всегда употреблялось: „на Дону" и „на Руси". И в наше время донские казаки, и не только простой народ, а и интеллигенция часто говорят о себе „мы не русские"; „мы" — это казаки, а все остальное, что есть на Руси — чужое.

Броневский еще в 1830 г. писал: „отчуждение донских казаков от русских и теперь приметно"...

Нет ничего удтвительного, что прежде часть русской интеллигенции, придерживавшаяся радикально-демократических взглядов, считалась с правом Казачества на особое существование.

В особенности интересно отметить взгляды просвещенных „декабристов".

Так, Пестель помещал Казачество среди „различных племен к России присоединенных", ибо „казаки, не столь происхождением своим, сколь образом своего существования от прочих россиян различествуют".

Другой „декабрист" Муравьев, в своем проекте конституции, определяет для казаков „Донской удел", как отдельное государственное образование; возможно, из исторических соображений, по аналогии с Тьмутараканским удельным княжеством, охватывавшим земли Северного Кавказа, Подонья и Запорожья. И. Н. Полевой приходил к тому выводу, что Казачество есть покоренный народ: „все казаки были русские, но какие русские? Они говорили русским языком и назывались христианами... Только вера и язык сближали их с Россией и, наконец, покорили их России".

А. С. Русов, украинский ученый, в антикритике на Полевого, следующим образом цитирует последнего: „малороссияне, белоруссы, казаки и прочие — не русские т. е. не московины, великороссы", они „какая то особенная народность и местность".

К сожалению, нам неизвестны все взгляды Полевого, ибо он, по цензурным условиям, не мог высказывать их со всей полнотой и ясностью.

Даже возражения Русова казались для цензуры опасными, ибо он цитировал подозрительные места Полевого.

Еще раньше, в 1730 г., Манштейн*) называет Дон республикой, добровольно подчинившейся покровительству России, а донцов — Нацией.

К донцам же, как к отдельному народу, через 133 года после того, обращались поляки в своей известной прокламации, призывая их взяться за оружие и, сбросив с себя московские путы, помочь делу освобождения братьев-славян поляков.

Вообще, в старое время, Русь, Украину и Москву никогда не смешивали вместе, — в XVI ст. и позже западно-еваопейские ученые считали Русь и Московию за два отдельных славянских племени, каковых на территории Востока Европы в более старое время они насчитывали три, но третья группа позже считалась исчезнувшей.

Тот же самый взгляд держался у европейских ученых и в гораздо позднейшие времена. Знаменитый чешский историк Палацкий в одной из своих речей на имперском Сейме 1848 г., защищая права русинов-украинцев на самостоятельное управление, говорил, что даже казаки есть русинами (русскими украинцами) и что они только в последнее время приняли московские обычаи и язык.

Обобщить казаков с другими русскими племенами старые ученые никогда не решались, им всегда отводилось особое место среди славяно-русских племен.

Причину этого указывает проф. Іоганн Готлиб Георги, член Академий Наук Российской, Прусской, Римской, Майнцкой и др., в своем солидном труде: „Описание всех обитающих в российском государстве народов" (СПБ. изд. Имп. Ак. Наук 1779 г.). Он пишет: „хотя они и получили существование свое из тех же народов, первоначально населяющих Россию, но по многочисленности своей и по отменному одеянию и обычаям, показывают как бы особый народ, а посему они и помещены в описание народов, обитающих в России".

Как народ, казаки часто упоминаются и во многих европейских энциклопедиях, даже изданных в конце XIX в.

Мотивы этнического происхождения казачества взяли перевес над остальными, в особенности над этимологическими. Но как ни наивны и ненаучны были эти генеологии казачества с точки зрения современных нам ученых, во всяком случае любопытно и характерно для украинской и казачьей историографии XVIII в. — это желание связать начало казачества с древне-русскими временами.

Большое влияние имели и традиционные взгляды на казаков, как на инородцев, „черкас". Этот взгляд был задокументирован старой гл. Воскресенской Летописи в XVI в. про „Чорных Клобуков — предктов казаков - Черкас".

Эти взгляды, в связи с такими же убеждениями казачества, твердо влияли на широкие круги образованного общества. Как ни старался потом ученый свет подравнять все народы России под один уровень племенного единства, но все же „осужденные" тенденции старых ученых живы еще и до сих пор в нашем казачестве и проявляются не только между кубанцами, хранящими до сих пор дух вольного Запорожья, но и между донцами, сибирцами и другими казаками.

Нетерпимое отношение „мужей науки" к людям, не разделяющим их мнений, не есть редкость и в наше время, но оно не дает оснований пренебрегать нам теми важными отрывками старинных источников и литературой, которые во всяком случае были на сотни лет ближе к началу казачества, чем их позднейшие критики, тем более, что в конце концов и те и другие пользовались одними и теми же источниками, только по разному толковали их, в зависимости от господствовавших теорий и личных симпатий.

Беспристрастный исследователь исторических материалов, посвящая свое внимание Черноморско-азовскому побережью, всегда приходит к заключению о непосредственной преемственности Вольного Казачества от южных славяно-русских племен, сильно промешанных степными элементами.

С этим убеждением мы встречаемся на каждом шагу. В XIX веке ученые исследователи, профессора — Голубовский, Антонович, Ламанский, Брун, Арцыбашев,

*) Автор известных, необычайно правдивых мемуаров о России, периода 1727—44 г. г.

Срезневский, Ханыков и много других оставили нам почтенные свои труды, подтверждающие сказанное. Их труды не однажды бывали оценены премиями и медалями и печатались по распоряжению Академии Наук, Университетов и специальных Обществ.

Все подобные теории не раз весьма удачно и справедливо указывали на аналогию казачьего устройства с другими политическими факторами — например „уходницкого" житья XVI ст. с бродниками", говорит украинский историк Грушевский в своей „Історії України - Руси".

„Вообще же казачество старо, как сама Русь-Украина" — продолжает он.

По заключению этого авторитетного ученого, мы видим, что казачество, как бытовое явление в жизни древнего южно-русского народа, населявшего степные пределы Дона и Азовско-Черноморского побережья, принадлежит исключительно последним. Только оффициальная история учебников, одобренных Министерством Народного Просвещения, да выводы людей, смотрящих исключительно с высоты московской колокольни, твердят о великорусско-„малорусском" происхождении Вольного Казачества. Утверждения эти как нельзя лучше служат колонизаторским целям „земского" человека.

С. Соловьев, российский историк конца XIX в. так и определяет историческую задачу казачества — удобрять своею кровью широкие степи, охранять их от хищника степей-кочевника и ждать, пока придет „не боясь степного хищника, русский человек — полный хозяин". Само казачество терпимо только до той поры, „пока широкая степь не понадобится земскому человеку для возделывания".

Каковы бы ни были взгляды на Казачество, его жизнь, быт, происхождение, но для самого Казачества абсолютно неприемлемы отводимые ему роли удобрения и сторожевой собаки, которую за ненадобностью для „хозяина", можно изгнать или уничтожить в любое время.

Вольное Казачество ставило себя самоцелью; именно поэтому оно защищало Земли своих прапредков и боролось неустанно с вековыми своими врагами: степным хищником кочевником и с другою всеподавляющею силою — „земским человеком".

Борьба с последним содержала в себе не менее трагических фаз и периодов, чем вековая борьба степная. И наша последняя героическая борьба с Р.С.Ф.С.Р. была только одной из фаз „крестового похода" необычайно самовластного и нетерпимого все того же „земского" человека.

Именно поэтому необходимо потомкам Вольного Казачества разобрать прошлое его предков, исследовать социально-исторические и политические процессы жизни Вольного Казачества и его прототипов самостоятельно, не через призму исторического империализма и кривое зеркало московских взглядов.

Казачество обладает всеми данными для того, чтобы научно построить свою собственную историю.

„Противно становится от пришивания кусков истории украинского народа к истории державной жизни польского или московского народа, когда из самой древне-русской державы сделано вступление в историю Московского Государства", говорит М. Грушевский.

Не те же ли самые чувства испытывает истинный сын Вольного Казачества, видя славную историю своих предков пришитой в виде блесток старинного украшения, утративших теперь практическое значение, к историям других народов.

Вот почему является нашей обязанностью воссоздать доподлинную, исторически верную картину жизни наших предков и наших исторических земель, чтобы потом на основах естественного права и на исторических традициях строить свое новое прекрасное здание Государственного бытия в качестве свободного суверенного Народа, а не сторожа и дворового слуги „земского" хозяина.

Т. Г. Масарик.

Проблема малых народов и война*).

Весьма распространен взгляд, что малые народы не могут и даже не смеют быть независимыми; экономически, мол, они не выдержат, военно — не в состоянии защищаться, и культурно — не смогут жить самостоятельно. История учит, говорят, что, вследствие эволюции, образуются большие народы и государства и что малые государственные, а равно и национальные, единицы, хотят они или не хотят этого, должны подчиниться большим. Этого требуют интересы человечества и даже самих малых народов.

Такой взгляд на роль малых народов особенно распространен в больших странах; придерживаются его либералы, особенно экономисты, но тоже и социал-демократы-марксисты, требующие бо́льших экономических единиц. Приводится тоже аргумент, будто бы гуманитарный, что человечество идет к мировому единению. На этих днях мы читали статью Иванова-Разумника („Дело Народа" 9 мая) в таком духе: сербам, поглощенным Австро-Венгрией, не жилось бы хуже, чем в Сербии; они даже были бы об'единены; маленькие государства — это только временные буфера между мировых империй. Точно так же ар-

*) Эта статья была написана теперешним президентом Чехословацкой Республики в июне 1917 года для чешской газеты — „Чехословак", которая была органом чехословацкого революционного движения в России.

Мы ее помещаем (в переводе), ибо тема ее и затронутый в ней вопрос не изжиты еще, хотя со времени ее появления прошло более 11 лет.

Восточно-европейским народам, освободившимся от царского гнета, чтобы попасть в клещи государственного абсолютизма большевицкой Москвы, приходится часто выслушивать те же упреки и те же доказательства о полной безнадежности их „самостийнических" стремлений, против которых направлена статья проф. Т. Г. Масарика.

Поэтому она все еще злободневна для Востока Европы. Правда, русский царизм мертв и не воскреснет. Большевизм гибнет и пропадет. Но среди эмиграции нарождается, часто под личиною политического либерализма и демократии воинственный великорусский национализм и империализм, которые не отдадут легко бывших русских „окраин" и всеми мерами будут бороться с их стремлениями освободиться от политического протектората будущей России.

Русский империализм охотнее всего полемизирует и борется с „самостийничеством" аргументами экономически-финансового характера,—миновало, мол, время небольших государств и малочисленных народов. Государственная независимость сопряжена для них с материальным прозябанием и культурным застоем. Словом, старые и избитые фразы, по сути мало убедительные и фактически легко оспариваемые. В статье проф. Т. Г. Масарика читатель найдет интересный ответ и фактический материал, сейчас хотя и немного устарелый, но правильно иллюстрирующий затронутую автором тему.

О. Д.

гументируют пангерманисты; они уже доказали, что малые народы вообще не имеют права на существование, а только большие и, конечно, наибо́льшие — немцы.

Я не намерен философски полемизировать с этими взглядами; посмотрим на факты, факты статистические и исторические.

В Европе — 27 суверенных государств *), поскольку Германию и Австро-Венгрию считать каждую одним государством, и 52 (или 54) государства, поскольку считать отдельные немецкие государства и Венгрию рядом с Австрией. Я затрудняюсь решать, нужно-ли в этом последнем случае считать тоже Германию и Австро-Венгрию.

Из этих 27 (52) государств — больших государств пять: Россия, Германия, Австро-Венгрия, Англия и Франция; два государства средней величины: Италия и Испания; остальные 20 — малые. Но эти малые — тоже разных категорий:

а) Андора, Сан - Марино, Монако, Лихтенштейн Люксембург, Черногория, Албания и Рим (папская резиденция) — наименьшие государства;

б) Румыния, Бельгия, Голландия и Швеция — из малых государств наибо́льшие, в то время как

в) Дания и др. — являются государствами средней величины.

Понятно, что эта классификация в значительной степени произвольная; величину можно измерять только количественно, или тоже — и качественно. Пангерманисты отрицают за Францией титул большого государства, отрицают его и за Россией; ибо, согласно их теории об избранности немецкого народа, в Европе в действительности великим народом являются только немцы; остальные — меньшие и малые народы и, поэтому, не имеют права на существование. Немцы предназначены для господства над Европою и миром.

Пангерманисты доказывают это свое положение тоже исторически. Каковы же эти исторические факты?

Действительно, были созданы большие государства и эти опыты время от времени повторялись; так возникли империи — Александра, Римская (западная и восточная), Франкская, Римско - Германская, Испанско - Австрийская, Французская — Наполеона. Но как раз эти большие империи, в большинстве случаев, скоро развалились.

XVIII-ым столетием начиная, можно наблюдать двойственного характера исторический процесс: возникают государства большие, но возникают тоже государства меньшие и малые. Немцы и итальянцы об'единились в большие империи из многочисленных малых государств. Правда, и в том и в другом случае был один народ, который преоборол свою средневековую атомизацию. Рядом, с возникновением об'единенных Германии и Италии, образовался целый ряд малых государств из балканских народов: Сербы, Греки, Румыны, Болгары, Албанцы. К ним можно прибавить Самос. Польша погибла, но Финляндия под Россией стала более самостоятельной; следует также отметить увеличение Швейцарии (1789).

История, стало быть, не доказывает, что малые народы и государства исчезают; наоборот, она вполне ясно показывает, что малые народы становятся независимыми **). Одновременно с этим возникают тоже государства бо́льшие и великие, т. наз. мировые, но в незначительном числе.

Появление всех этих государств, и малых и больших, в новое время следует приписать признанию национального принципа; во имя национальности об'единились Германия и Италия, во имя национальности освободились балканские народы.

Более детальный анализ этого исторического явления должен бы был заняться, конечно, и другими факторами эволюции, прежде всего тем, что с XIX столетия начиная, в Европе повсюду относительно быстро увеличивалось население; но для нашей цели будет достаточно и сказанного.

Теперешняя война имеет для малых народов большое, даже решающее значение. Союзники, особенно английские и французские государственные деятели и президент Вильсон, прокламировали право малых наций и государств; ведь и война началась из-за того, что Австро-Венгрия, поддержанная Германией, набросилась на маленькую Сербию; Германия напала на малую Бельгию. Согласно программе союзников, задачею войны является политически реорганизовать Европу по национальному принципу.

В Европе, как сказано, 27 государств; народов же значительно больше, по крайней мере — 60—70; странно, что до сих пор нет точной статистики наций и что нельзя назвать точно их число. При всей значительности национального принципа этот вопрос не разработан еще точно.

Факт, что народов почти в 3 раза больше, чем государств, — свидетельствует о том, что большинство государств разнонациональны. Действительно, число национальных государств очень мало: Андора, Сан-Марино, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Голландия, Норвегия, Швеция (часть населения лапландцы), Португалия и Испания (значительная часть португальского наречия). Только эти совсем маленькие и несколько государств средней величины можно признать чисто национальными; остальные государства — большие и малые — имеют разнонациональное население.

Обыкновенно, в государствах разнонационального типа один господствующий народ имеет большинство, остальные народы образуют меньшинства, только Австро-Венгрия является политическим исключением, там меньшинство — немцы и мадьяры — господствуют над славянским и романским большинством.

Вообще, Европа в национальном отношении представляет три характерные зоны, а именно: число народов возрастает в направлении с запада к востоку. На западе—большие государства и большие народы; рядом с ними — вполне своеобразны национальные осколки или остатки: баски во Франции и Испании, кельты в Британии, Шотландии, Уельсе и Ирландии. На востоке — Россия в национальном отношении очень пестра; русский центр на окраинах—западной, на Кавказе и северо-востоке—имеет значительное число меньших и малых народов.

Между западом и русским востоком идет от крайнего севера (от северного мыса) на балканский юг (мыс Матапан) зона малых и меньших народов: лапландцы, норвежцы и датчане с исландцами, шведы, финны, эстонцы, латыши, литовцы, поляки, лужичане, чехо-словаки, мадьяры, сербо-хорваты, словинцы, болгары, румыны, албанцы, турки (всего 19).

Если украинцев считать совершенно отдельным народом, будет одним народом больше. Некоторые языковеды (и славянские) различают кашубов и поляков, словаков и чехов, горных лужичан и южных.

В этой средне-европейской зоне величина отдельных народов весьма различна; наибольшими являются украинцы и поляки, средними — румыны, югославяне, чехо-словаки, мадьяры.

В политическом отношении некоторые из этих народов — независимы; имеются государства: датское, норвежское, шведское, сербское, румынское, болгарское, греческое, албанское, турецкое. Венгрия почти самостоятельна, как и Финляндия.

Не самостоятельными являются — лапландцы, эстонцы, латыши, литовцы, поляки, лужичане, чехо-словаки, большинство сербо-хорватов и словинцев, часть румын, греков, болгар.

В политическом отношении наиболее злободневными и наибольшего значения являются стремления к независимости среди поляков, чехо-словаков и югославян; это — большие народы, народы, которые были независимыми, народы, имеющие значительную культуру, народы, которые во всех отношениях—экономическом, политическом и культурном—могли бы устоять в своем собственном государстве.

Остальные народы этой зоны имеют тоже свои политические требования, но здесь вопрос касается изве-

*) До мировой войны. **О. Д.**

) Разбивка наша. **О. Д.

стного рода автономии в инонациональном государстве, или (липландцы вообще не проявляют политических стремлений) дело идет о воссоединении с большинством, которое имеет независимое государство.

Эта своеобразная зона народов имеет в истории Европы специальное и большое значение; даже в этой войне она опасна для мира Европы и представляет собственную цель борьбы. В ней возникла война: Австрия и Германия напали на малую Сербию.

Германский „Drang nach Osten« идет в двух направлениях: через Пруссию и через Австрию, являясь постоянным покушением подчинить народы центральной зоны, — как раз потому, что они меньше и слабее и до сих пор не смогли прочно об'единиться. Немцы, Пруссия и Австрия стараются поработить один народ за другим — старая тактика Цезаря.

С другой стороны, с востока — Россия таким же самым образом вела себя по отношению к этой зоне малых народов.

Более полный разбор проблем малых народов должен был бы заняться еще многими спорными и интересными моментами; в этом отношении здесь нужно коснуться еще одного вопроса.

Дело в том, что национальный принцип требует национальной равноправности. Это значит, что национальная индивидуальность малых народов должна быть признана на ряду с индивидуальностью больших народов. Я не ожидаю схоластического упрека, что, например, зыряне в России не могут ведь требовать независимости, как поляки или чехи. Само собою разумеется, что малые и меньшие народы экономически и в военном отношении являются как раз более слабыми; культурные учреждения (школы и т. д.) тоже малых народов будут более скромными. Однако, несмотря на эту количественную разницу, культурная индивидуальность сознательных народов полноправна. Малые народы являются „аналогией" т. наз. „малого" человека. Заслуга социализма в том, что он выборол для этого „малого" человека, именно для него, политическую и социальную равноправность. Нужно, чтобы в международном праве и политике было подобное признание „малых" народов.

Поэтому, очень печален факт, что социалисты-демократы и либералы не в состоянии понять демократического значения национального принципа, особенно в вопросе малых народов: социально-политическая справедливось нужна слабым против сильных, малым людям, малым народам. Печально, что русские социалисты без критики принимают предрассудок империалистической буржуазии, особенно немецкой, предрассудок реакционеров и абсолютистов*). А что здесь действительно все дело в политическом предрассудке, политическом суеверии, полагаю, — должно быть ясно и из этого очерка.

Ясно также то, что союзники, прокламировавши равноправность малых народов, действительно борятся за демократию и прогрсес.

*) Разбивка наша. О. Д.

Т. Стариков.

Удушение Казачества.

Казачество всегда было инородным телом в российском государственном организме. Усвоения этого тела не произошло и до сего дня. Русский народ в течение столетий не мог переварить казачества. Никакие меры, никакая настойчивость не помогли.

Казак всегда был свободен. По самой своей природе он не мог выносить рабства, в каких бы видах и формах оно ему ни подсовывалось. Больше того, казаки не только сами не могли мириться с рабством, но были времена, когда они поднимали страшные восстания против худшего из рабств-крепостного права в самой России. Это привело к тому, что казачество стало злейшим врагом русского дворянства, на которое опирался русский царь.

Были приняты меры к тому, чтобы обезвредить казаков и лишить их возможности выступать как на защиту своих прав, так и на защиту угнетенных крестьян России.

Но не в этом одном дело. Великодержавные идеи русского государства и все нивеллирующая политика власти настойчиво требовали полного подчинения казачества и полного его обезличения.

Но правительство все же боялось резко возбуждать против себя казаков, боялось повторения разинских и булавинских выступлений. Поэтому оно предпочитало итти к своей цели медленно, но зато верно.

Вначале оно постаралось расколоть казаков. Во исполнение этого плана, на Дону была создана сначала московская партия, а потом дворянство. Казаки перестали быть однородной массой и не могли уже выступать на защиту своих прав всеми своими силами. В. Броневский, написавший Историю Донского Войска, говорит: „Каждый дворянин стал полицмейстером на Дону". Дворянство, обласканное престолом, наделенное землями, действительно играло эту роль. Казачья масса была придушена, принижена и не могла уже играть своей роли в своих краях.

Второй задачей правительства было наводнить казачьи края не казаками. Были созданы специальные законы, которые способствовали этому наводнению. В результате, в казачьих краях не казаков стало больше, чем казаков. Были созданы далее Черноморская и Ставропольская губернии. Казачий Юго-Восток начал терять свой казачий облик. Казачество уже было как бы вкраплено в неказачью массу. У казачества было отнято много земель. Но растворить казачество в неказачьей массе все же не удалось.

Казачество было так сильно, что глава Вр. П-ва Керенский в 1917 году отдал приказ о мобилизации 2 военных округов против одного только Дона, а большевики позже доказывали, что казачество опаснее самих немцев и что для борьбы с ними надо направить всю мощь страны (России). Началась новая жестокая борьба казачества с российским государством, во главе которого на этот раз стояли большевики-коммунисты, а не русский царь.

Около трех лет лилась кровь. Военная сила казачества была сломлена. Не перебитая часть казаков рассеялась по всему свету. Часть казаков осталась в родных краях, и с ними остались там также и дух казачества и его сущность.

Разбиты казаки, но не побеждены. Борьба продолжается. Великорусский народ приступил к новой фазе поглощения казачества.

Большевики прежде всего постарались расколоть казаков—и с этой целью создали „трудовое" и „нетрудовое" казачество. Это на первое время как будто принесло им (большевикам) пользу. После военной победы, московская Сов. власть решила углубить раскол и наводнить Казачьи Края не казаками, т. е. и она делает то же самое, что делала царская власть. Приступлено к решительному расказачиванию. Специальные труды и лекции доказывают, что казаки и крестьяне одно и то же, что никакой разницы между ними нет. Большевики надеются, что казаки растворятся в неказачьей массе и составят с нею одно тело, одну сущность

С особой рельефностью обрисована деятельность советской власти в казачестве в докладе тов. Чудова на Северо-Кавказской краевой конференции („Молот" 29 ноября 1927 г.).

Он говорит: „Теперь разрешите остановиться на Казачестве. Вы помните, что в свое время мы очень долго занимались казачьим вопросом. В результате мы имеем целый ряд значительных успехов".

Оказывается, что успехи эти заключаются в том, что большевикам будто бы удалось „трудящееся казачество вовлечь в социалистическое строительство". Но тов. Чудов тут же добавляет, что „в этом году, при перевыборах в сельсоветы, коммунисты не приняли достаточных мер, чтобы приблизить казачество к общей стройной советской работе".

Дела, значит, не так уже блестящи. Казачество, несмотря ни на какие меры, продолжает стоять особняком и не желает вести общей стройной работы.

Но докладчик спешит утешить слушателей. Он говорит, что ему „думается, что сейчас в казачестве есть новое, и это новое заключается в том, что сейчас больше и больше начинает ослабляться сословная рознь и начинают все больше и больше выявляться социальные группировки среди казачества".

Мы знаем, что „сословная" рознь действительно начинает ослабляться: казачество начинает теснее сближаться с коренным крестьянством для защиты своих общих интересов от пришлых элементов. Это так. Но вот, если в казачестве действительно выявляются „социальные группировки", то это знаменует собою начинающийся новый раскол, т. е. как раз то, к чему в свое время в иной форме стремилась царская власть, и на чем сейчас хотят построить весь свой успех коммунисты. Дело в том, что по заявлению докладчика, коммунистам удалось создать „бедняцкое" казачество в противовес „кулацкому".

Деление на трудовых и нетрудовых отпало, ибо в казачьих краях интеллигенция (в начале „большевизма" интеллигенция не считалась трудовым элементом) либо перебита, либо ушла заграницу. Большевикам ничего не оставалось, как занести рознь в толщу казачества, к его хлеборобам. Это злое дело повидимому им удается. Докладчик говорит: „оказание помощи бедняцкому и середняцкому казачеству является одной из основных наших задач". Наоборот, отношение к казаку „кулаку" должно быть „такое же, как и к кулаку иногороднему". „Трещина, таким образом, найдена, и большевики употребляют все усилия, чтобы вбить в нее поглубже клин и использовать бедных, разоренных ими же, казаков в своих целях, как использовано было казачье дворянство царской властью.

Но большевики идут гораздо дальше. Они усиленно работают над разрушением казачьего быта, казачьих особенностей, психологии, духа, традиций, идеалов. Тов. Чудов утверждает, что „набюдается значительная ломка того казачьего быта, который выковывался в течение веков", и „что этот быт начинает ломаться под политическим воздействием советской власти".

Но главное, на чем останавливается докладчик, и что, повидимому, его наиболее удовлетворяет, это что „патриархальная казачья семья начинает дробиться и при том не только экономически, но и идеологически".

Большевики, таким образом, подошли к самому святому казачьему началу — к семье. В ней создавались те особенности, которые так отличают казака. В семье выковывались казачьи идеалы, традиции, дух, в ней закладывался казак-гражданин и казак-воин.

Большевики не могли не направить свой удар по этому святому казачьему началу. Патриархальная казачья семья—дружная, нравственная, крепкая—стояла на пути коммунистов и они теперь стараются сбросить ее со своей дороги.

Дьявольская изобретательность коммунистов пошла еще дальше. Они решили создать новое поколение казаков, которое решительно отмежевалось бы от всего старого, от всех казачьих устоев, и начало бы „новую жизнь" на новом основании, забыло бы все, чем жили казаки и в чем таилась их мощь. — Они создали казачий комсомол.

Тов. Чудов с восторгом утверждает, что „молодой казак комсомолец вносит новый дух в казачью семью и медленно, но верно разрушает то, что создавалось в течение долгого времени".

Совершенно неожиданно тот же тов. Чудов сознался в том, что „великодержавный шовинизм, нечего греха таить, еще встречается в наших учреждениях". Таким образом, оказывается, что у русского народа коммунизм является интернациональным только, так сказать, для внешнего обихода, у себя же дома он преследует узко националистические великороссийские цели. Дальше Чудов признается, что этот великодержавный шовинизм вызывает, как естественную реакцию, острый национализм у национальных работников, т. е. иными словами, национальные меньшинства не верят коммунистам и начинают защищаться от того же поглощения, от какого защищались казаки на протяжении трех последних веков своей истории.

„С этим надо бороться!" — восклицает тов. Чудов. Надо полагать, что дальше этого восклицания дело не пойдет, ибо теория и практика коммунистов — вещи разные

Практика русской сов. власти особенно рельефно выявилось в вопросе о колонизации Северо-Кавк. Края.

В положении о землеустройтельстве, между прочим, говорится: „Вся земля в пределах Р.С.Ф.С.Р, в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом".

В этот фонд советская власть отобрала на Сев. Кавказе 800.000 десятин земли. По колонизационному плану, на эту землю в течение десяти лет, начиная с 1923 года, должно переселиться 200.000 человек. Но оказывается, что волна великорусского племени, хлынувшая в Казачьи Края, была так велика, что уже к 1926 году, вне всякого плана, переселилось туда 200.000 чел. („С.-Х. Жизнь", № 45). Эти люди размещаются по Казачьим Землям как попало и где попало.

Если такой наплыв будет продолжаться и дальше, то не пройдет и нескольких лет, как Казачьи Земли будут забиты до отказа, а у казаков наступит острое малоземелье. Что же будет тогда? А будет то, что из Казачьих Краев выселят излишки населения в ту же Сибирь, на Д. Восток и т. д., где придется выкорчевывать леса, обводнять степи, осушать болота... Нет сомнения, что первыми же переселенцами из Казачьих Краев будут те же казаки и притом наиболее зажиточные, по коммунистической терминологии — кулаки, а по нашему наиболее энергичные и активные люди, от которых коммунисты постараются отделаться в первую очередь, как от „вредных" людей. Это еще больше поможет основной цели как большевиков, так и всего русского народа — растворения и поглощения казачества.

Пока же идет этот ужасающий процесс у нас на родине, мы тут делимся на монархистов, социалистов, кадет и т. д., разрушаем казачье единство, делаем себя бессильными и неспособными оказать какую либо помощь задыхающемуся в петле казачеству. Какой то рок стоит над нами и толкает нас в пропасть. Неужели мы не поймем, наконец, этого и не решимся, какой угодно ценой, какими угодно средствами снять с казачества затягивающуюся петлю!

Мы должны понять, что нынешний удар по Казачеству может быть последним ударом. Русский народ достигнет давнишней своей мечты, завершит давно начатое дело. Казачество будет поглощено, расказачено.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

М. Фролов.

О казачьей милюковщине.

Одним словом сказать, — „демократия“:
Профессор Милюков и... казачья братия.
Так „ересь“ на языке и крутится:
Не „Путь Казачества“, а б е с п у т и ц а.

Еще до появления нашего журнала, и особенно по его выходе, „пошла писать“ русская разномастная эмигрантская губерния.

Наиболее восшумел ее „федеративный“ казачий уездишко — „Путь Казачества“: из кожи лезет вон, чтобы растолковать честному казачьему народу происшедшую „м а л е н ь к у ю неприятность“.

„Полтора человека, которые даже были членами законодательных учреждений в казачьих краях“ (№ 22 „Пути Каз-ва“) и „их молодежь“ заслужили уже больше двадцати страниц этого журнала: расточительность, будто бы, невразумительная.

Дело дошло даже до того, что в последнем (№ 22) номере на страницы этого журнала выползла тень минувшего (впервые за четыре года!): бывший командарм Донской, В. Сидорин наводнил целые две страницы большевизантским, пораженческим, истерическим бредом. Он, конечно, лучше, чем кто-либо другой знает, что „России нет! и нет! и нет!“, что „есть Совдепия и ревсовет“, что попрежнему Казачьи Земли порабощены и казачество усиленно рассаживается гепеутчиками по тюрьмам, но „неуловимое“, „ультра-фиолетовое“, „эволюционное“ вершит свою отвратительную работу. Поистине, жалкая „бытовая картинка“!

Мы не являемся сторонниками тактики Милюкова в эмиграции, сводящейся — в организационном отношении — к возможному обострению, заостриванию политических разноречий; не согласны мы и с русской поговоркой „горбатого могила исправит“: пускай люди благополучно „проэволюционировали“ от Всевеликого Войска Донского до стыдливого признания большевиков русским правительством, пускай, „отложив в сторонку осуществление казачьих прав; они скромно стали признавать, что международная, так сказать, „политика“ большевиков во многом носит национальный русский характер, — мы знаем, что близко время, когда от этого, с позволения сказать, русского правительства они не менее благополучно повернут свои стопы опять к Донскому Государству.

Не полемика, поэтому, заставляет нас постараться уяснить сущность этой казачьей милюковщины, являющейся лишь робким отражением такого же течения в в русской эмиграции.

Ведь недостаточно же, в самом деле, в интересах самих казаков-милюковцев, весь „путь казачества к федерации“ представлять в аляповатой загадочной картинке на обложке журнала с чеховской надписью: се лев, а не собака...

Как известно, представители казачьей демократии из Союза Единства Казачества и Казачьего Союза участия в журнале „Путь Казачества“ не принимают. В редакционном совете этого журнала представлена лишь одна политическая группа — милюковцы.

Совершенно ясно, отсюда, что журнал проводит взгляды этой русской политической партии — „республиканско-демократической группы партии народной свободы“. Ибо, как показал известный „анекдот“ с раздувателем мирового пожара и в то же время послом в „дружественной“ французской республике Раконским, нельзя служить одновременно двум богам: „партийный хомут“ обязывает. Как бы сами по себе ни были порядочны люди, отдавшие себя партии, меткое изречение М. Алданова сохраняет полную силу: „партийная игра — организованная нечестность мысли“.

II.

В чем существо милюковщины — „соглашательского эволюционизма“?

Позволим себе привести несколько мыслей русского писателя Д. Мережковского.

„Вскоре после разрыва Англии с Советами и убийства Войкова, произошло событие чрезвычайной важности в судьбах русской эмиграции... П. Н. Милюков, председатель РДО, выступив с речью о международном положении России, об'явил, что „бывают случаи когда интересы Советсткой России и России вообще совпадают. В случае англо-советского конфликта... наши патриотические чувства, повидимому, совпадут с чувством патриотизма, которое испытывается в рядах части комсомола и коммунистов“. Эти слова Милюкова покрыты были „шумными и продолжительными“ аплодисментами“. Аплодисценты, начавшись в РДО, могли бы продолжиться до ГПУ“...

„Если „бывают случаи“, когда патриотизм Милюкова совпадает с патриотизмом советской власти — сегодня один случай, завтра другой, после завтра третий, и т. д., то это и есть „эволюция“, постепенное соглашение этих двух патриотизмов до возможного тождества. Кажется, ясно? Нет, смутно, темно, — темнее, чем когда-либо. Самое бытие эволюционистов предполагает, казалось бы, „эволюцию“. Но в той же речи Милюков утверждает: „Возобновление террора (после разрыва с Англией) показало всему миру, что советская власть ни в чем не изменилась, и большевики по-прежнему остались каннибалами“. Если так, то где же „эволюция“? Значит ли это, что ее еще нет, или уже нет, или никогда не было и не будет“?

„Я всегда считал и продолжаю считать П. Н. Милюкова, несмотря на его нынешнее затмение, человеком умным и честным. Очень ошибаются те, кто думают, что он сделался примиренцем, соглашателем, из глупости или подлости. О, если бы так! Что бедные Ключниковы, Лукьяновы, Пешехоновы, по сравнению с этим умным и благородным сменовеховством?..“

Основную — общую — причину „затменья“ Милюкова русский писатель видит в следующем: „Вот уже десять лет вся Европа, весь мир — в том же затменьи, по той же причине. Сделанное большевиками в России кажется „государством“; делаемое ими в Европе, в мире, кажется „политикой“. Но это обман, вовсе не государство и не политика, а только их личина, подобье, обман глаз, как в притворстве насекомых, мимикрии, когда червяк притворяется сучком, бабочка — листиком“...*)

Такова в достаточной мере неясная, шаткая политическая позиция милюковщины: пассивное ожидание „удобного“ случая когда „наши патриотические чувства совпадут с чувством патриотизма, которое испытывается в рядах части комсомола и коммунистов“.

III.

Несколько отличный характер носит милюковщина казачья. Она не выступает так открыто с проповедью совпадения патриотизмов, главным образом, потому, что казачество в эмиграции к этому „совпадению“ относится с большой подозрительностью.

Мы не наводили справок „в каком качестве“ попал в эмиграцию Милюков. Повидимому, как русский политический деятель, символ веры которого не разделил русский народ, отдавший симпатии свои большевикам.

---

*) Цитаты взяты из статьи Д. Мережковского „Непримиримость или соглашательство“. — „Возрождение“, № 930.

В ином роде отбылась эмиграция наших казаков, теперешних милюковцев. Казачий народ их не только не изгонял, но почтил избранием на почетные должности в Донской Республике. Это при их непосредственном участии, а часто и под их руководством, строилось государственное здание Дона; это они содействовали выработке нашей прекрасной конституции; это они представительствовали суверенное Донское государство, по его уполномочению, на разного рода конференциях... И после военного поражения, нанесенного казачеству красной Москвой, вместе с своим народом они оставили родной Дон.

И вот после ряда лет на чужбине, восстановив связи с старой партией, принимая все ее новые тактики, они проделывают „эволюцию".

— Да, — говорят они, — была конституция, да... вся вышла. — И начинаются ее „толкования" по системе дышла: закон, что дышло...

— Да, — говорят они,—было и Всеведикое Войско Донское, да... кончилось. — И, прозревая донскую „всенародную душу", решают: да будет федеративная и проч.

— Да, были и Атаман, и председатель Войскового Круга, но теперь... за ненадобностью устраняются.

— Да, Дон оккупирован, захвачен большевиками, но... „бывают случаи, когда интересы Советской России и России вообще совпадают, когда наши патриотические чувства" и пр.

Да, что значат все бедные возвращенцы „по сравнению с этим умным и благородным сменовеховством".

■■■■■■■■■■■■

Печать о „Вольном Казачестве".

Парижская газета **Paris-Midi** (французская) в номере от 26 декабря прошлого года, говоря о выходе в свет „Вольного Казачества", ставит появление нового казачьего журнала в связь с усилением в последнее время самостийнических настроений среди казачества т а м, под советской властью.

Газета констатирует дальше, что

> „в центральной Европе много комментариев вызвали сообщения нового журнала, первого независимого органа, издаваемого Казаками заграницей и первого публикующего информации, не состряпанные в Московских телеграфных агентствах. Из этих сообщений вырисовываются явственно очертания нарождающегося широкого народного движения, которое стремится оградить от русско-большевицкого влияния государственные организмы в границах от Польши до Каспийского моря".

„Вольные Горцы" — непериодический журнал — орган народной партии вольных горцев Кавказа, — выходящий в Праге, в номере 6 от 19 января с. г. говорит, что

> „Начавший выходить в Праге журнал „Вольное Казачество" — явление чрезвычайно знаменательное. Это молодой сильный побег, которому несомненно принадлежит будущее. Интересно отметить, что этот „побег", на котором видно влияние лучших порывов современной демократии, имеет глубокие корни в историческом прошлом казачества.
>
> В этом залог его дальнейшего роста.
>
> ... Четкую, определенную позицию вольных казаков нельзя не приветствовать. Она лишена всяких хитросплетений, лукавых мудрствований.
>
> Независимые демократические республики Кубань и Дон — все остальное от лукавого...
>
> Вольные горцы от всей души приветствуют выступление вольных казаков Кубани и Дона.
>
> ... В добрый час, на широкую историческую арену, смелой поступью вперед, вольное казачество Кубани и Дона!

„Путь Казачества" снова посвятил нам целый свой последний номер от 15 января. Загромыхала „тяжелая антилерия" самого главкома. А в общем... в общем получается такое впечатление: в редакции „Пути Казачества" давно было выдохли все мухи от скуки, как вдруг — неожиданная радость! — „Вольное Казачество". И радуется „Путь Казачества" — по крайней мере писать есть о чем.

Настоящие ответные строчки свои помещаем здесь, не столько ради полемики с „Путем Казачества", сколько из журналистской обязанности.

Прежде всего на счет „документов". „Путь К." поместил „протестное" письмо из Брна, подписанное „будто бы" 55-ю. Господа из „П. К", имейте мужество оперировать н е анонимками, пожалуйте эти 55 подписей — получите ответ!

„Маленький фельетон" — на этот раз слабее.

Попробуем, далее, перелистать „П. К." Передовая: „Сбившиеся с пути". „Сбившиеся" — это, конечно, „П. К.". С „Пути К." сбиться не мудрено! „П. К." тянет за „Последними Новостями", ну, а кто же угоняется за П. Н. Милюковым?

„П. К." приходит в ужас от нашей квалификации войны с северным большевистским государством, как войны внешней, оборонительной. Не будем бояться слов. Ну а к т о же воевал против нас, и против к о г о фактически воевали мы, а особенно вы, из „Пути К."? — В Москве была советская власть и есть сов. власть, а когда вы повели туда казачество, чтобы посадить там другую власть, — русский народ стал на защиту этой власти и разгромил вас, как разгромил и Колчака, и Юденича. Одних коммунистов для этого было бы мало. Мы думаем, что некоторые вопросы надо поставить ребром, открыто и до конца, а не играть в страусовую политику, — будет лучше и нам, может быть будет лучше и самому русскому народу.

Любопытно подчеркнуть здесь еще одно общее явление, над которым всем нам, казакам, следует особенно задуматься. Почему-то боролись с большевиками: казаки, украинцы, грузины, боролась и Сибирь, не захотели советского „рая" Финляндия, Эстония, Латвия и т. д., т. е. боролись „инородцы" и „окраины", но почему такой борьбы мы не видели внутри самой России?

Деникин — Врангель воевали, пока воевали казаки; Колчак воевал, пока воевали чехословаки. А где, на чьей стороне был русский народ?

А если правда ваша, что русский народ ненавидит большевиков, то почему же вы, г.г. Сидорины, несли сами и помогали нести другим то, что русскому народу еще более ненавистно, чем большевики, и он, русский народ, ненавидя большевиков, все же спасал их и гнал вас?

Правда, что русская (антибольшевицкая) эмиграция большая. Но ведь 95% этой эмиграции бежало заграницу, не борясь с большевиками.

Большинство русской эмиграции (и вы с ней) больны одним: каждая группа в три человека непременно говорит уже от имени „русского народа", который „ненавидит большевиков и ждет не дождется" как раз именно эту группу трех. — Если бы это была правда, то большевики не сидели бы в Кремле, а вы не были бы в эмиграции. Если русский народ и ненавидит большевиков, то заменит их во всяком случае не „эмиграцией".

И не скрывайте вы, господа из „П. К", своего поражения за русский народ. Русский народ своим адвокатом вас иметь не хочет. Он вас отверг. Один раз вы уже вели борьбу и эту борьбу вы проиграли.

Слишком много, господа, вы занимаетесь русскими (конечно: общегосударственными, общероссийскими) делами, а очень мало своими, нашими казачьими.

Остановимся на политике ненависти, которую проповедует „П. К." в адрес Украины, кавказских народов и др. Господа, ведь эту политику вы уже осуществляли и помогали осуществлять Диникину на практике. Этой политикой вы уже один раз взвалили на плечи казачества непосильное бремя. Борясь с большевиками, вы никак не думали об облегчении роли казачества, вы не искали ему союзников, напротив, вы хотели всех покорять „под пози своя", вы воевали с Украиной, вы воевали с Кавказом. А результат? — А теперь снова зовете нас повторять те же „зады".

Мы на это не пойдем.

Все народы б. Р. Империи хотят свободы. Решение этого большого спора может быть двоякое: или русский народ соглашается и переходит на формулу „равенства" и дальше строит свои отношения с другими народами на основе свободного сговора и соглашения, или он душит эти проявления к самостоятельности и подчиняет себе другие народы силой.

Каково будет и должно быть поведение казачества в том и другом случае? — Раз „покорение" — значит казачество — хранитель и охранитель русской государственности, по выражению „П. К.", — будет в авангарде „карательных" экспедиций и, значит, вся ненависть этих народов будет направлена против него (казачества).

А у самого русского народа приобретет казачество этим любовь и защиту? Кто хочет знать правду — пусть ответ ищет в истории, старой и новой. Мы бы боялись, чтобы не повторилось старое: „Мавр сделал свое дело, мавр может уйти".

Предположим лучшее, что и русский народ искренне станет на путь самоопределения (мы хотим верить, что это так будет!). Почему же заранее отнимать это право у Казачества?

Ген. Сидорин слишком рьяно утверждает, что русский народ не поступится своими интересами.

Вопрос еще спорный: при каких условиях будут лучше сохранены интересы русского народа — это во первых. Во вторых, если русский народ имеет право на защиту своих интересов, то другие народы также имеют это право. Или право, по немецкому образцу, только там, где сила?

Г. Сидорин утверждает далее, что свобода народов — это „добровольное самоубийство" великорусского народа. Не хватили ли Вы, г. генерал, через край и не оказываете ли ему медвежьей услуги? Мы гораздо лучше думаем о русском народе, чем о некоторых его не в меру усердных защитниках.

Что касается „игры казачьими головами", то как раз все наши усилия есть и будут направлены к тому, чтобы в будущем г.г. Сидорины не проиграли той части казачьих голов, которая осталась еще целой, после легкомысленной и неудачной игры их, г.г. Сидориных, в прошлом. А „проиграна" ими уже, по крайней мере, половина казачьих голов.

— Ни в какой мере мы не намерены помогать Польше занять „место погибшей России" (думаем, что рано еще г. Сидорин льет (крокодиловы!) слезы, — Россия не погибнет!). Что касается английских мечтаний „на долгие годы обеспечить свое полное господство на Востоке", то эти „тайны" гораздо лучше и полнее известны г. Сидорину, чем нам.

Очень много предупреждений в „П. К." и на тему о том, что возможная помощь (к сожалению, мы о ней ничего не знаем), слишком дорого будет оплачена, а г. Сидорин так прямо боится, что придется „по уплате обязательств, идти с сумой по-миру". — Все зависит от того, как „брать" помощь. Вот в 1918—1920 г.г. помощь от „антанты" получили эстонцы, латыши и др. и живут себе сейчас припеваючи. А в то же время и от той же „антанты" получали помощь Деникины — Сидорины и уже пустили казачество по-миру. Да еще как пустили!

Мы вообще считаем что противники наши из „П. К." взяли в наш адрес слишком „высокий" тон. Разве кто нибудь, будучи в здравом уме и твердой памяти может сказать такую бессмыслицу: ... „добившись, наконец, полного уничтожения России, казачество"... и т. д. — Если это не бред „большой души", то это граничит уже с провокацией

— Страшит нас также „П. К." тем, что малые народы не могут выдержать, прежде всего экономически, своей государственности. Чтобы разубедить и „П. К.", и тех, кого ему удается „застрашить", мы, начиная с этого уже номера, отводим особое место проблеме малых народов,

где и покажем фактическими данными и материалами, что страхи подобного рода совершенно неосновательны. Из-за таких причин еще ни один народ от своей самостоятельности не отказывался.

В этом вопросе, в постановке „П. К.", есть тоже какая то несуразность. Нам говорят, что Казачество бедно и не может выдержать своей государственной самостоятельности, а с другой стороны доказывают, что Россия не может существовать без наших богатств...

Одна характерная деталь для „П. К." О Донском Атамане в „П. К". пишут уже „бывший". Ошибка здесь не может быть, т. к. писано это в Париже, читал статью в Праге г. редактор, очевидно и секретарь, а корректор обязательно. К ген. А. П. Богаевскому отношение может быть различное, но считать Донского Атамана б ы в ш и м раньше, чем не избран новый Атаман, — это значит заниматься ликвидацией того, что весьма охотно ликвидировали бы наши враги.

Вероятно получен „указ" „свыше"!

Еще один короткий ответ „П. К.", по поводу денежного „сомнительного источника": господа, наш денежный источник, такой же степени „сомнительности", как и в а ш.

Так борется с нами „П. К.". Многое как будто списал с „Волчьих Ягод" из „России" П. Б. Струве. Списывайте, но помните, что „Волчьи Ягоды" — это те цветики, из которых выростают самостийники.

— Если теперь кто хочет знать, как борется „Путь К". с самим собой, пусть прочитает конец статьи г. Сидорина. Пел, пел человек „за упокой", а кончил „за здравие". Выходит, что если мы говорим о „равноправии", так это плохо, а если г. Сидорин, так — хорошо. Или это просто „неудачный" конец?

Но шедевр нелогичности „П. К." — помещение статьи В. Васильева „Кривое Зеркало". Это, очевидно, недоразумение, т. к. по существу она должна бы была появиться на страницах нашего журнала. В одной статье „П. К." громит самостийников, а в другой им помогает.

Везет нам!

Теперь несколько слов об извозчичьей ругани. Не хотелось бы останавливать внимание читателя—казака на тех совершенно неприличных наскоках, которые делают на нас русские монархисты, но... „из песни слова не выкинешь".

Дело идет об извозчике из чайной союза русского народа „доброго старого времени" „пражском друге и единомышленнике" П. Струве, который, под инициалами „Н. Ц.", радует своей изысканной „словесностью" в статье „Волчьи ягоды" („Россия" — № 22) своих компатриотов.

Так он „икает" при чтении произведения Ив. Колесова (в № 1); другие произведения казачьих авторов для него — „упорные и злостные фонтаны"; самостийность казачья — „гнусность", „помешательство", „поиски легких денег" и проч.; „октябрь сморкается всеми видами самостийничества; как он это делает, при помощи носового платка, или более упрощенно" и т. под. — вот перлы патриотического красноречия.

Но не будем спорить с такими проявлениями „высоких" чувств

Ограничимся несколькими указаниями.

„Н. Ц." с обычной русской безцеремонностью вмешивается в казачьи дела: делает указания, к а к поступать редакции „Казачьего Сполоха"; делит казачьих авторов на „принципных" и беспринципных, и т. д. Для утешения „Н. Ц." сообщаем: Ю. Гончаров, М. Самсонов, К. Поляков люди „принципные" и потому сотрудничают в нашем журнале.

„Все о том же Степане Разине": „кому вор, кому разбойник, а нам славный атаман".

Об Иване Колесове: лидером „нового движения" не состоит; заметный казачий писатель; умеет работать „киркой, лопатой и метлой"; „смолкнуть" не собирается.

„Декларация журнала о полном отделении казачьих областей от России", в общем, передана правильно, и „ужимки и прыжки" ругливого „патриота лишь оттеняют ее сильные места.

Автор совершенно не знает истории казачества; певец белого движения успел позабыть даже, что одно время он спасался на территориях Донской и Кубанской р е с п у б л и к.

В заключение: среда „Союза русского народа" нам всегда была чужой и „отвратной", как и русскому народу не нужна парижская „Россия".

Казачья эмиграция.

Общество изучения Казачества.

31-го декабря прошлого года состоялось в г. Праге годичное собрание „О-ва изучения Казачества".

О-во это существует уже третий год, об'единяя в себе казаков на почве культурной и научной работы. Основано оно было группой донцов, кубанцев и терцев, положивших в основу О-ва равноправие национальностей и полную терпимость к каждому мнению.

Это обстоятельство зафиксировано и в утвержденном правительством ЧСР уставе О-ва, § 2 которого гласит о равноправии всех языков на которых говорит казачество.

Находясь под идейным руководительством маститого кубанского историка, члена Российской Академии Наук, профессора Украинских Университета и Академии в Чехословацкой Республике Ф. А. Щ е р б и н ы, оно поставило своей целью; всестороннее научное систематическое исследование казачества во всех этапах и проявлениях его жизни.

Соображения, вызвавшие организацию Общества, сводятся к желанию осмыслить и об'яснить новый круг исторических и общественных явлений нашей казачьей современности.

Руководствуясь такими соображениями, члены О-ва и вели свою работу. В пражских библиотеках и архивах они разыскивали все, что только где было о казачестве; делали публичные доклады по разработанным и собранным материалам; выступали на страницах печати и вообще старались всеми мерами поднять казачье самосознание.

В условиях эмигрантского существования работа эта не была легкою — мешали ей отсутствие материальных средств и часто непонимание целей О-ва со стороны некоторых ответственных казачьих кругов, имевших возможность помочь делу расширения работ О-ва.

Тем не менее была сделана значительная работа в деле изучения казачества, привлекшая новых сотрудников и дающая практические результаты.

Раньше О-во преимущественно уделяло внимание историческим процессам в Казачестве, в текущем же году оно постановило образовать отдельные секции: историческо-бытовую, социально-правовую и библиографическо-архивную.

На собрании действ. членов О-ва 31 декабря Т. М. Старыков прочел сообщение о собранных им материалах по восстанию Донского Атамана К. Булавина в 1708 г. Докладчик готовит, по поручению О-ва, солидное исследование к 220-летию смерти этого, славнейшего из славных, казачьего Атамана. В исследование войдут многие необработанные и неопубликованные материалы, освещающие как деспотическую политику Петра, так и борьбу казачества за истинные идеалы народоправства. Борьба эта широкой волной прокатилась тогда от Башкирии и Астрахани, через Дон, Слободскую Украину на Запорожье и Украину, но не принесла должных результатов. Раздробленное Казачество было бито по частям, подобно как и в борьбе 1917—20 г.г., аналогию с которой и проводит докладчик.

Пожелаем же О-ву успеха в его плодотворной для Казачества работе и сплочения вокруг него истинных сынов своего народа *).

Брно.

4-го января 1928 года по инициативе Брненского хутора ОКСС в контакте с Терской Станицей и при деятельном участии казаков „диких" был устроен в Мраморном зале Земского Дома — казачий концерт-бал. На программе концерта стояли выступления Брненского казачьего хора под управлением П. Жердева, сольные номера Н. В. Мельникова — нашего известного певца — донского казака, казачек, лезгинка и балалаечный оркестр.

В восемь часов вечера декорированный пальмами Мраморный зал начал наполняться. В числе гостей на концерте был командующий войсками Моравии и Силезии генерального штаба ген. Войцеховский. Близкими и желанными посетителями явились: А. И. Воротников — ч ен правления ОКСС и бывший атаман Пражского хутора И. П. Вихлянцев.

Концерт начался мало эффектным выступлением балалаечного оркестра в 8½ часов. Неожиданным и приятным сюрпризом явились танцы маленькой русской балерины Фрид, сорвавшей шумные аплодисменты. Н. В. Мельников, имеющий давнишние симпатии брненской публики, вызвал опять бурю оваций. Кавати-на Фигаро была спета им по требованию присутствовавших два раза.

Гордостью брненцев является великолепно спевшийся казачий хор под управлением П. Г. Жердева. Природной дисциплине казаков и уменью регента — обязан хор тому успеху, который завоеван был на концерте. Надо помнить, что спевок было очень мало — не смотря на это результатом работы — громы аплодисментов на казачьем корцерте 4-го января.

„Ал-ла-га"!, „В реке бежит гремучий вал", „Горе или Феат"— сопровождаемое мастерски-лихо исполненной лезгинкой джигита Борогунова — вот ценные номера хора в I отделении концерта и во II — „Когда войска Наполеона", „Из-за леса", закончившейся плясовой „Ой гак-к, ты была, моя нечужая".-Долгие бурные восторги публики вызвали танцевавшие под плясовую студенты-казаки И. Барин и М. Соловьев.

Затем по окончании концертной программы открылись танцы под музыку джазбанда до 3 часов утра. Живописным дополнением казачьего концерта-бала являлись одетые в казачьи костюмы распорядители, внесшие своей внешностью свое родное среди чужих посетителей.

По отзывам присутствовавших — вечер оставил на долгое время очень хорошее впечатление.

5-го января в 14 часов состоялась беседа казаков студентов-брненцев с прибывшим на вечер И. П. Вихлянцевым. Более всего интересовало студентов „Вольное Казачество". И. П. Вихлянцев сообщил сведения о казачьей жизни и политических настроениях в Праге и широко развил взгляды и линию поведения лиц группирующихся вокруг „Вольного Казачества". Беседа проходила в уютной и дружественной обстановке и закончилась песнями.

Е. Г.

Загреб. S.-H.-S.

Загребский студенческий хутор насчитывает от 60 до 70 человек. В хуторе есть и не казаки, но так сжившиеся с казаками, своими однокашниками по Донскому Корпусу, что приняты ими в хутор, как его равноправные члены.

Что сказать о настроениях, поскольку они касаются внутренней духовной жизни хутора? — Единение есть, но чисто дружеское, коллегиальное и попытки некоторых казаков к идейному об'единению остались безрезультатны.

Нежелание принять участие в эмигрантской политической жизни, отсутствие веры в, что главное, личная и академическая жизнь и повседневные дела настолько преобладают здесь, что выбранный раз в хуторские атаманы Александр Дьяков благополучно атаманит три года и, наверное, будет атаманом до возвращения к себе в Качалинскую станицу.

Здесь нет ни дискуссий, ни лекций, ни споров, ни делений. Политические расхождения совершенно незаметны и не вызывают резкой вражды.

Все почти приняли участие в войне партизанами и добровольцами — будучи учениками средних школ: Платовской Гимназии, Донского Корпуса, Александровского реального училища, а также семенарии и гимназий в станицах.

Колоссальные потрясения и борьба за существование выработали уверенность в себя, скептическое отношение ко многому и... состарили.

— Мало нас! — вот частые слова.

Это студенчество пожалуй и с высокими идеалами, но без живого духа, который вливал раньше голос народа и ощущение Родины.

Здесь Дона нет. Войско? — Бесправное — в Сибири, у Буденного, по всему свету и срываются такие страшные слова — мы — последние казаки.

Вот тупик, где бьется мысль казаков Загребского хутора. Инженерский диплом — единственное утешение потерявшим самих себя.

И если бы не щемящая боль, да любовь к носителю чести казачьей Войсковому Атаману и смутная надежда на высшую справедливость не было бы силы жить, держаться ушедших и униженных заветов Донской Земли, еще стремиться к казачьей свободе, к благу казака.

Хочется обратить внимание старых казаков на своих детей.

Оторванные от семьи, узнавшие войну со школьной скамьи, нищету теперь и изгнание, они одни изживают драму казачьего народа. Горе будет, если это грядущее поколение захватит в свои руки обывательщина, и повседневная жизнь сделает их своими послушными и покорными рабами!

С. С-а.

Казаки в Болгарии.

София.

Жизнь здесь у нас совсем иная, чем там у вас. Положение молодежи, особенно учащейся, не важное. Студенты многие работают и не учатся, многие работают и учатся; но страшно трудно совмещать работу и учение. Некоторые на степендии. О хорошо обеспеченных говорить не приходится — это единичные случаи.

Духовная жизнь? — Многие совершенно забыли — кто они и что они, а превратились в машину, которая работает с 8 ч. утра до 6 или 7 ч. вечера.

*) Ближайшие информации у секретаря О-ва Ju-Dr-Ing. S. Fedorov, Praha. Nusle-údolí, Jaromirová 456.

На праздниках казаки-студенты устраивали вечер. Был спектакль. Новый Год все студенты справляли вместе. Были представители от болгар.

...С материальной стороны дело обстоит плохо. Много казаков служило на государственной службе — с первого января уволят многих, последних остававшихся на работе. Люди останутся без заработка.

А тут еще своя болгарская „криза“ — лопнули многие частные предприятия и спрос на рабочие руки сократился.

С.

Неугомонный „претендент“.

(Из Белграда).

В Югославии распространяется „прокламация“ — обращение к кубанцам, подписанное группой лиц из 6-ти человек, во главе с ген. А. Филимоновым.

В прокламации этой группа подписавших призывает „всех кубанских казаков Югославии“ к какому то сговору.

Цена Филимоновского слова и сговора всем кубанцам хорошо известна. Ген. А. П. Филимонов, очевидно никак не может свыкнуться с мыслью. что ему никогда больше не видать атаманской булавы.

Нужно потерять всякое чувство меры, чтобы после того позорного конца, каким он завершил свое „атаманствование“ на Кубани в ноябре 1919 г., иметь смелость вообще показываться на „люди“.

Ген. Филимонов подписался под „обращением“, как „Почетный Председатель Кубанской Рады“. Какой Рады? — Мы смеем уверить, что никогда ни Краевая, ни Законодательная Рада такого „института почетных председателей не знала, никогда и никого в почетные свои председатели не выбирала, а тем более г. ген. Филимонова.

Сеятели погромной мысли.

(Письмо в редакцию).

26 ноября прошлого года, после долгой оттяжки, наконец, состоялись выборы уполномоченных Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза по Пражскому району. На этих выборах боролись три группировки:

1. „Донская Тройка“ (В. А. Харламов, В. И. Сидорин, В. Т. Васильев).

2. Общеказачий Блок: Союз „Единство Казачества“; Республиканско-демократическое казачье студенческое Об'единение; группа казаков из „Крестьянской России“ и казаки-земледельцы.

3. Терско-кубанские казаки, группирующиеся вокруг Союза Возрождения Казачества.

Активно боролись только две первые группировки, т. к. последняя, по различным причинам заняла позицию „ни-ни“ и, не принимая участия в предвыборной борьбе, на самых выборах выступила с самостоятельным терско-кубанским кандидатским списком.

Резкое расхождение первых двух групп началось давно.

„Донская Тройка“, в 1925 году избранная в Правление Союза, свое временное положение использовала для того, чтобы печатный орган Союза журнал „Казачий Путь“ перешел в полное и безраздельное, никем не контролируемое ее владение. Оппозиция же (Общеказачий Блок) все время протестовала против такого безцеремонного действия „Тройки“, считая необходимым вернуть журнал обратно Союзу и сделать его печатной трибуной всех членов Союза, а не избранной группы. Вот основной источник спора.

В конце концов „Тройка“ решила (она составляла Правление Союза и могла делать что хотела), совсем не производить выборы новых уполномоченных, а созвать в ноябре 1926 г. Собрание Уполномоченных старого состава, давно утратившего свою законную силу, в полной уверенности, что в нем большинство будет на ее стороне. Но человек предполагает, а Бог располагеет. Действие „Тройки“ было настолько невозможно, что люди искренне относившиеся благожелательно к членам „Тройки“, отвернулись от них и на этом, „Тройкой“ незаконно созванном, Собрании большинство уполномоченных перешло в оппозицию и Собрание вынесло резкое осуждение всей деятельности „Тройки“ и категорическое решение, что журнал „К. П.“ есть орган Союза.

Тогда председатель правления, он же член „Тройки“, Сидорин, озлобленный „дерзостью“ собрания придирается к якобы спорной юридической формальности вынесенных решений и угрозой приглашения полиции разгоняет им же созванное собрание. После этого „Тройка“ со спокойной совестью продолжает „царствовать“ над Союзом, выборы новых уполномоченных не производит, а... ожидает, пока, не находящие поддержки в Правлении Союза, оппозиционные к „Тройке“ уполномоченные в поисках куска хлеба раз'едутся в другие страны.

Раньше бесплатно рассылавшийся всем членам Союза журнал „Казачий Путь“, теперь становится платным. Новые хвзяева журнала, переименовав его в „Путь Казачества“, назначают обязательную подписную плату.

Произошли, наконец, нужные „Тройке“ перемены в составе старых уполномоченных Союза. Теперь большинство уполномоченных было из „своих“ людей, готовых дать, по разным мотивам, какое угодно „одобрение“ „Тройке“ и она, столь тщательно подготовлявшая свою победу, созывает в апреле месяце 1927 г. вполне „законное“ собрание уполномоченных, чтобы получить так долгожданное узаконение своего беззакония*).

Далее „Тройке“ необходимо было опорочить и свалить Б. Н. Уланова, позволившего себе „дерзость“ возглавить оппозицию. Но т. к. против него ничего делового и серьезного она не могла сказать, то Сидорин пустился в демагогию, упирая на его национальное происхождение, доказывая, что он по своей природе чужд казачьих интересов.

Обрисовав в ярких красках жуткие годы войны, тяжелые страдания эмиграции и, ударяя кулаком в грудь, Сидорин патетически кричал: „казак-калмык Б. Н. Уланов спокойно проходит мимо всего этого русского несчастья, но какое русское сердце не может не обливаться кровью“... и т. д. Другими словами — казак-калмык если и не радуется русскому несчастью, то во всяком случае равнодушен к нему.

И это говорится после того, когда эти самые казаки-калмыки одними из первых подняли отчаянную борьбу против общего несчастья — большевизма; после того, когда о составе Донского Казачества, под командой того же самого Сидорина, активно борясь против этого несчастья,“ лукавья“ и „коварствуя“*), калмыки потеряли половину своего населения.

И это после того, как эти казаки-калмыки из „лукавых“ и „коварных“ побуждений жертвовали многими молодыми калмыцкими жизнями, под проливным дождем пулеметных пуль, из под носа настигающего врага, на своих плечах вытаскивали того же самого б. Командарма Сидорина, с своим аэропланом загрузшего в засасывающую грязь на Кубани!

Какая „болезнь“ притупила его память, что он обо всем этом забыл? Или то были только „калмычки“, способные отдавать жизни, не требуя ничего взамен, а теперь „казак-калмык“ превратился в нечто по своей природе чуждое казачьих интересов?

В такой чисто „деловой“ обстановке протекла работа „законного“ собрания уполномоченных в апреле месяце прошлого года, избравшее временное 3-х членное Правление.

---

*) Насколько был „законным“ этот состав уполномоченных, можно судить по следующему: из первоначально избранного общего числа 45 уполномоченных, протестуя против действия „Тройки“, разновременно сложили свое полномочие около 30 человек.

**) В другом месте — Сидорин, касаясь калмыков говорит, что он „чужд восточной психологии“ т. е. коварства и лукавства, якобы присущих калмыкам.

Такова была сущность спора и так происходила борьба. Одни, злоупотребляя своим положением, доверием соответствующих кругов, отняли у единственной в Чехословакии большой казачьей общественной организации ее печатный орган, дискредитировали самую организацию, а другие протестовали против такого произвола.

„Тройка" почему-то решила, что две тысячи казаков, состоящих в Союзе, не способны выделить из своей среды людей, могущих справиться с изданием небольшого журнала и „не доверила" в их демократизм, а оппозиция доказывала противное.

Ясно, что „Тройке" по существу против оппозиции говорить было нечего. Вот почему она стала на путь исключительной демагогии и на последних ноябрьских выборах.

На этих выборах „имена" и „авторитеты" распределились неравномерно. С одной стороны „сливки" Донского Казачества, как называют самих себя Харламов, Сидорин, Васильев, а с другой стороны — оппозиция, возглавляемая казаком-калмыком В. Н. Уланом.

На одной стороне, как говорят, люди, прошедшие „огонь, и воду, и медные трубы", люди располагающие значительными материальными ресурсами, в средствах борьбы не разбирающиеся, а на другой — „мелкие сошки", „враг" русских и т. д., не располагающие никакими материальными средствами. Словом, борьба была неравная. И „Тройка", со свойственным ей в таких делах искусством, использовала это обстоятельство, не остановившись даже перед вызовом вражды на национально-религиозной почве.

И ее демагогия осталась не бесплодной. Избирательное собрание, из двух названных и изъявивших свое согласие кандидатов, в председатели собрания избрало В. Н. Уланова, провалив кандидатуру Харламова, чем определенно резко высказало свое отрицательное отношение к действию „Тройки".

Яркой иллюстрацией, в какой плоскости велась предвыборная агитация против оппозиции, служит „секретное письмо", широко распространенное перед выборами среди членов Союза. Автор этого „произведения" старательно подделывался под „народный" язык и скрылся под псевдонимом „Группа казаков-пролетариев", совершив этим тройную подлость — бросил в массу грязь и, как подлый трус, скрылся под псевдонимом, а грязную мысль приписал другим.

Но, если [illegible] внимание, кто больше всех был заинтересован в [illegible] оппозиции, и, если вспомнить слова, [illegible] бросаемые в массу членами „Тройки", то [illegible] сам собой. Для [illegible] из этого „письма" и разом с [illegible].

В „письме" [illegible] боится, что он только зря*) поступил [illegible] о социальном страховании" и переслал [illegible] веста в разные заморские страны. Вот [illegible] в культурной работе он может нам посодействовать, еще тысяченок на десять за наличный расчет книжного твора продав Союзу"...

В прошлом году, когда на разогнанном Сидориным собрании, выдвигалась в председатели правления кандидатура донского казака горного инженера А. Н. Зрянина, В. Т. Васильев усиленно внушал эту мысль „письма" уполномоченным, говоря: что же, он будет „прекрасным" председателем — будет получать жалованье и, сверх того, все книги своего магазина продаст Союзу.

Дальше, намекая на Уланова, автор „письма" пишет: „на счет него у нас имеются сведения, что он не только земледельческого или рабочего чисто казачьего происхождения," а даже будто ведет свой род от знаменитого китайского (?) Чинхисхана - Мамая (?), который на нашей донской реке Калке русских князей-самостийников побил и, сидя на них, конину жрал".

Чего тут больше: глупости или подлости? Невольно напрашивается вопрос — не является ли это место „письма" грубым, откровенным изложением мысли, высказанной Сидориным в более дипломатической форме на собрании уполномоченных в апреле прошлого года.

„... есть у нас верный слух, что нашу казачью линию он ведет только для видимости, а в тайности ведет свою акцию и к ней ни одного православного казака не подпущает. Говорит: „это не для вас, а только для тех, кто в Будду верует". Мы ему все, а он нам ничего".

Первая часть этого места „письма" всецело совпадает также и со словами В. А. Харламова, сказанными перед выборами на собрании своих сторонников (17-го ноября в помещении Союза), где он говорил, что Уланову не интересы Союза дороги, а ему нужно стать во главе Союза, овладеть журналом и делать свою калмыцкую акцию.

Дрогнула совесть и у бывшего политического вождя Дона!

Относительно вставленных в уста Уланова слов,— приходится развести руками — как могут люди так нагло лгать! Автору „письма" прекрасно известно, что, при всем желании, некуда Уланову „подпущать или не подпущать православного казака". Честь открытия деления на „мы" и „они" всецело принадлежит автору „письма", ибо до сего времени казаки-калмыки считали и считают себя членами единой казачьей семьи, вместе с нею неразлучно деля и радости и несчастья.

Кому и для чего понадобилась эта тщетная попытка возбудить национально-религиозный антагонизм в среде до сих пор единой и дружной казачьей семьи?

Неужели казаки-буддисты двести лет делили с казаками-христианами боевую жизнь для того только, чтобы в XX веке лидеры „демократического" казачества (по крайней мере так они сами себя именуют) истерически взывали: „бей калмыков, спасай Казачество?"

Шамба Балинов

бывший (сложивший свое полномочие) уполномоченный и Секретарь Ревизионной Комиссии Общеказачьего С.-Х. Союза.

*) Курсив автора „письма", иронизирующего над фамилией ЗРЯнина, [illegible] от слова „заря". Член оппозиции А. Н. Зрянин [illegible] книжную торговлю.

В Р.С.Ф.С.Р.

Ссылка оппозиции.

В Москве распубликовано „официальное" сообщение о высылке оппозиции:

Правительственными органами СССР установлено, что целый ряд лиц, примыкавших к оппозиционным группам, возглавляемым Троцким и Сапроновым, исключенных из партии XV-м с'ездом В.К.П., вслед за закрытием с'езда и развалом, наступившим в оппозиционном блоке, стали развивать противосоветскую нелегальную деятельность, проявившуюся в попытке создать тайную организацию, подготовить ряд антисоветских актов и установить тесный контакт с находящимися в Москве представителями иностранной буржуазии, при посредстве которых троцкисты отправляли свои лживые сообщения и поддерживали сношения с своими заграничными единомышленниками.

После того, как нелегальная и преступная антисоветская деятельность троцкистов была выяснена, было признано необходимым прибегнуть, в целях защиты интересов пролетарского государства, к минимальной мере — высылке из Москвы 30 активных участников

указанной группы: Троцкого, Ивана Смирнова, Серебрякова, Радека, Муралова, Белобородова, Сапронова, Владимира Смирнова, Смилги, Вардина, Сафарова, Сосновского и других.

Некоторым другим — в том числе Раковскому, Богуславскому и Дробинсу — было предложено покинуть Москву.

Что же касается Зиновьева, Каменева и других, вышедших из оппозиционного блока, то в виду сделанного ими заявления о подчинении всех постановлений и условиям XV-го с'езда, — они посылаются парторганизацией для работы в провинции".

Наступают уже сумерки и для „блока".

На Украине.

Цыгане — хлебопашцы. Еврейская колонизация. Отсрочка выборов.

Центральный комитет по делам национальных меньшинств на Украине занялся теперь цыганами, с намерением приучить их к оседлой жизни и к земледелию.

На Украине кочует немного цыган, не более 1200 семейств. Для 500 семейств Наркомзем уже выделил участки в Одесском и Херсонском округах. Часть их уже посажена на землю и занимается хлебопашеством, — как уверяет „Прол. Правда", с большой охотой. Большевики уже устроили для них несколько с.-х. коллективов, организуют курсы для неграмотных, читают им лекции по советознавству, распространяют плакаты с Ленинскими афоризмами, и т. д. А в ближайшем будущем намереваются созвать и специальную цыганскую конференцию. В результате этой конференции, вероятно, появится новая автономная область, а может быть и советская республика. На Украине и цыгане для этого годятся.

Темп еврейской колонизации на Украине не ослабевает. Таже „Прол. Правда„ сообщает данные о том, что сделано за последние полтора года в этом направлении в Запорожском и Мариупольском округах, где для этой цели отведено 22.000 десятин, на которых предположено поселить 1.400 семейств в 24 селах, по 60 семейств в каждом. В прошлом году для евреев построено 400 домов и 4 школы, в нынешнем приготовлено к постройке 759, а на 1929 год осталось достроить всего 250. Дома все одного типа 9Х15 аршин с 4 окнами и 2 дверьми, из степного специального кирпича, беленые и покрытые дранью. Кроме дома, евреи получают полный инвентарь: лошадь, корову, овец, плуг, семена для посева, корм для скота; землю им вспахивают трактором, копают колодези и сады. Общая сумма кредиту на семью — 1500 рублей, рассрочивая на 10—13 лет, с рассчетом по 3% „. Средний надел на семью составляет 15 десятин. То обстоятельство, что евреи раньше земледелием никогда не занимались, большевики учитывают как нечто благоприятное, так как такие люди, по их мнению, будут работать при помощи более высоких методов, чем делают это обычные крестьяне. В комментариях это сообщение большевицкой газеты не нуждается.

В виду крайне тревожного настроения сельского населения, выборы в советы на Украине, назначенные на январь — февраль этого года, отложены на неопределенное время.

— ов

В Казачьих Землях.

Заготовительная кампания.

В последнее время советы усиленно производят различные маневры в области экономики, но все их „хитроподходы" слабо осуществляются в жизни, в большинстве же случаев все творчество остается только на бумаге.

Сейчас идет заготовительная кампания в деревне и „одновременное" продвижение туда товаров. У земледельца отбирается излишек хлеба, выжимаются деньги под видом размещения нового крестьянского займа, выколачиваются недоимки налогов. Посмотрим, как проводится эта кампания на Северном Кавказе.

Земледелец очень неохотно сдает излишек хлеба, всячески воздерживается от реализации зерна, предпочитая перемол его на муку. С самого начала хлебозаготовительной кампании зерно, минуя ссыпки заготовителей, потекло на мельницы, а затем уже мукой отправлялось в районы, где цена на муку крестьянского помола была высокой. Несмотря на все запрещения, много мелких частников умудрялось перемалывать зерно на частных мельницах и спекулировать мукой. Хлебная спекуляция охватила многие округа, особенно же Сталинский, Краснодарский, Донецкий, Донской.

Идет ужасная „скачка цен".

Многие председатели Е. П. О. отказываются получать „дефицитные товары" и вести заготовку; убеждения Краев. Союза не дали результатов.

При таком положении, „Внуторг" признал необходимым запретить на всех мельницах перемол частного зерна, а для крестьянского населения установить норму перемола для личного потребления, согласно которой и производить перемол. Всем мельницам категорически запрещается производить нестандартный помол, воспрещается также продажа нестандартной муки.

Терский окр. исполком тоже констатирует явления, мешающие налаживанию хлебозаготовительных рынка — спекулятивную скупку и провоз целыми караванами муки.

На Кубани совершнно запрещены негосортные помолы, а для прекращения спекуляции помолов проведен ряд строгих мероприятий, так наприм., правление Белореченского (Майкоп. окр.) С. Х. Т-ва отдано под суд за целый ряд „извращений" хлебозаготовок. В Майкопе арестованы лица, вредившие заготовительной кампании.

(Молот 1935).

Заготовка мяса идет еще хуже. Здесь цены так поднялись, что кооперация отказывается от этой заготовки. Заготовка яиц совершенно прекратилась, т. к. произошел сильный „разрыв" между согласительн. ценами и рыночными.

Далее „наблюдается раскрытие организаций спекулянтов, подкупавших служащих государственных мельниц, агитация против сдачи хлеба заготовителям и способствование начальников станций спекулянтам".

(Извест. 3244).

Так идет „С-Х Заем" окраины центру.

Центр решил „реализовать зерно на мануфактуру". Однако количество и отправка товаров идет не тем темпом, который желателен и необходим советам.

В работу по усилению хлебзаготовок вовлечены все ревизионные комиссии и актив кооперации и советов.

(Труд 5).

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Болгария. София. — *О.* — Благодарим за добрые пожелания. Вам и друзьям Вольного Казачества желаем успеха в нашей общей работе.

Болгария. Шумен. *К.* — Вы пишете: — „Ура! Ура! Вольному Казачеству и процветанию журнала „В. К.“. Еще больше возвысился казачий дух во мне, зная, что наши казаки и заграницей думают и пекутся о нашей, угнетенной коммунистами, Донской Земле“!.. — Рады Вас видеть в лавах Вольного Казачества. — Благодарим за Ваше ценное предложение.

Болгария. — Видинский Округ. *К.* — Вы пишете: „С душою искренней Донского казака приветствую начатое Вами дело, чтобы поднять из гроба погребенное казачество Дона, Кубани, Терека, Украины и Кавказа... Присоединяюсь к Вашей братской мысли и готов наряду с Вами бороться за право независимости Казачества. Пора рвануть цепи неделимки!

Порабощено казачье тело, так жива душа.

... Уверен, что сему тяжкому путешествию к намеченной цели наши братья-казаки здесь на чужбине окажут нелицемерную духовную поддержку. Казаки, проживающие в Видинском Округе, с чувством полной солидарности заявляют: борьба под знаменем казачьей самостоятельности! — Мы рады, что идея единого фронта — Казачества, Украины и Кавказа среди донцов находит живейший отклик.

Болгария. София. *В.* — Благодарим за согласие сотрудничества в журнале и ожидаем очередного материала.

Польша. Ломжа. — *М. А.* — Оба Ваших пространных письма получены. Рады видеть Вас под знаменем Вольного Казачества. Привет Вам и всем нашим сторонникам.

Польша. Краков. — *У. Ц. К.* — Бюлетень одержан. Вітаємо. — Братерство, Рівенство і — передо всім — Воля наших Батьківщин!

Польша. Августов. — *Е.* — Вы пишете: — „Спешу засвидетельствовать свою готовность поддерживать развитие журнала, а также деятельность единомышленников... У нас тут есть донцы, уральцы и украинцы, которые охотно поддержат журнал“... — Просим и дальше работать на укрепление идей Вольного Казачества.

Польша. Львов. — *Ес. Гаврила Шелеста* просим установить непосредственную связь с нашей редакцией.

Югославия. Банат. — *А.* — Письма и рукопись получены. — Просим и дальше работать в том же духе.

Югославия. Неготин. — *Т.* — Получено.

Франция. S/S. — *К. Н.* — С особенным удовлетворением заслушали Ваше письмо. Совершенно с Вами согласны, что: „Нашему родному и обильному Краю пора заняться собой и, всеми средствами, сохранить себя от систематического разорения Севера“...

Франция. Париж. — *А. Б.* — Пожелание Ваше исполнено. Надеемся на сотрудничество Ваше в журнале.

Чехия. Словенско. — *Г.* — Приветствуем Ваши мысли, благодарим за советы. — Да здравствует „Терек бурный, Терек пышный“...

Из числа писем, полученных редакцией, помещаем одно характерное для теперешних настроений казачества в эмиграции:

„Поздравляем Вас с Новым Годом 1928-м и от чистого сердца желаем достигнуть Вам намеченных целей. Ваш журнал нас серьезно привлекает, но мы покуда стоим на плац-форме наблюдений. Отделяться от Московского владычества или работать заодно? Мы могли бы работать в пользу одного государства (России), но вдуматься в прошлое, как наши Земли достались дорогой ценой наших предков...

Да не миновала горькая чаша и нас, сынов Казачества: со времен строительства русского государства, ваньки Рязанские, Казанские, Орловские, Московские, Пензенские и т. д. вместо какой либо поддержки, они жаждали, как голодные звери на казачьи вольности. Свидетель остался 1917 год.

Такой поступок может быть непростительный. Мы, группа, охотно будем следить за работой Вашего журнала. С кем пойдем? — последствия оставляем при себе... За журнал глубокое Вам спасибо.

Ст. группы...

Розыски.

Лиц, знающих о судьбе или местонахождении **Михаила Алимпиевича Парамонова,** бывшего в гражданскую войну командиром отряда при окружном управлении станицы Нижне-Чирской Донского Войска.

А также прошу откликнуться казаков станицы Суворовской.

Адрес: Иван Парамонов. Русская гимназия, Шумен, **Bulgarie.**

К сведению хоров.

Второй бас (диапазон две октавы: „до“ верхней добавочной и „до“ октава нижней добавочной) предлагает свои услуги. С апреля месяца с. г. может и в от'езд заграницу. Пел во многих хорах. Хорошо знаком с нотами. Знает как духовные, так и светские песни, русские и украинские (и новейших композиторов).

Адрес: **Tchécoslovaquie. Poděbrady-Lazne, Zamek 1/1 u p. Prochaska. N. Bohatyrev.**

Кубанец Н. К. Богатырев.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et C-ie, Editeurs. 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжный магазин **F. Svoboda, Václavské nám., 57.**

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1

Tchécoslovaquie.

Всякаго рода типографскія работы выполняются дешево и аккуратно на всѣх славянских языках.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Michal Frolov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider
Novinová sazba povolena řed. p. a t. čis. 314175—VII—1927.
Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně Františka Vonky.